

ОП

1908 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№ 13.

II годъ изданія.

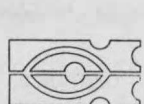
СЦЕНА

И

ЖИЗНЬ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 13.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 30-ГО МАРТА.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Великій молчальникъ“—фантастическій разсказъ **І. Перетца**; „Арлекинъ“—стихотвореніе **Александра Рославлева**; „Блестящая будущность“—разсказъ **Эмми Григоръ**; стихотвореніе—**Еф. Бахаревъ**; „Повѣяло весной“—**М. Кларина**; „Въ сумерки“—этюда **Л. Михайловой**; Театръ: „Постъ“—статья **П. А.**; „Актер-

ская семья“—**В. Линскаго**; „Нѣсколько словъ объ упадкѣ оперы“—**С. Гона**; Театральная хроника; Литература и писатели; По Россіи; Малая Сцена; „Изъ міра погибающихъ“—**Матвѣя Безымяннаго**; Объявленія.

Великій молчальникъ

(Фантастическій разсказъ)

І. Л. Перетца.

Здѣсь, въ этомъ мірѣ смерть Бейныша «Молчуна» (онъ такъ былъ прозванъ за вѣчное молчаніе) не произвела ровно никакого впечатлѣнія. Никто даже не поинтересовался узнать, кто такой былъ Бейнышъ, чѣмъ онъ жилъ и какъ онъ умеръ. Никто не постарался разузнать причину его смерти: сердце-ли у него разорвалось, силы-ли его вдругъ оставили или его тощая спина не выдержала тяжести непосильной ноши? А, можетъ быть, онъ вовсе съ голоду умеръ?

Когда коночная лошадь вдругъ, на ходу, околѣваетъ, ея, пожалуй, гораздо больше интересуются. Сотни людей собираются поглядѣть на трупъ несчастнаго животнаго. Осматриваютъ мѣсто, гдѣ она пала. Даже газеты иногда пишутъ кое-что о такомъ событіи. Конечно, лошадь не пользовалась бы такимъ вниманіемъ, если бы лошадей на свѣтѣ было бы столько, сколько людей: тысяча миллионъ!!!

Бейнышъ тихо жилъ и тихо умеръ. Какъ тѣнь онъ промчался по міру и его не стало, онъ исчезъ!

Въ день рожденія Бейныша не пили, звонъ бокаловъ тогда не раздавался. Онъ жилъ, какъ песчинка на берегу необъятнаго моря между миллионами такихъ же,

какъ онъ, песчинокъ. И когда вѣтеръ его поднялъ и вихремъ понесъ по ту сторону огромнаго моря, никто его не замѣтилъ.

При жизни его сырая отъ дождя земля не сохранила слѣда его шаговъ. Послѣ смерти же вѣтеръ опрокинулъ и забросилъ куда-то далеко маленькую дощечку, поставленную у его могилы, а жена кладбищенскаго сторожа нашла ее, разрубила на мелкія щепки и, разложивъ огонь, сварила картошку. Всего лишь три дня прошло, какъ Бенья умеръ, а попробуйте спросить сторожа гдѣ онъ похороненъ, онъ ничего не скажетъ потому, что онъ не знаетъ!

Если надъ могилой Бени былъ бы хоть какой-нибудь памятникъ—возможно, что лѣтъ черезъ сто какой-нибудь археологъ, любитель старины ее нашелъ бы. И имя Бени «Молчуна» снова, какъ эхо прозвучало бы въ воздухѣ.

Сколько трагизма! Обликъ его, черты лица его ни у кого въ памяти не запечатлѣлись. Ни дѣтей, ни жены. Одинокимъ жилъ и одинокимъ умеръ.

Если бы не суeta людская, возможно, что кто-нибудь услышалъ бы, какъ спина Бени «Молчуна» треснула подъ непосильной тяжестью. Если люди имѣли бы побольше

досуга, можетъ быть, кто-нибудь замѣтилъ бы, что у Бени, еще живого уже—потухшіе безъ признака жизни глаза и блѣдныя впалыя щеки, что голова его, даже когда спина не обременена какой-либо тяжестью, все-таки вѣчно опущена внизъ, какъ будто еще живой онъ ищетъ свою могилу. Если бы людей было не больше, какъ лошадей въ конкѣ, возможно, что кто-нибудь спросилъ бы: «Куда дѣвался Бенья, куда онъ исчезъ?»

Когда Бенью «Молчуна» привели въ госпиталь, его уголокъ среди общей толчеи громаднаго города не остался пустымъ. Его ждали цѣлыхъ десять такихъ же Беней и съ жадностью они этотъ уголокъ подѣлили между собою. Когда его съ больничной койки вынесли въ покойницкую, двадцать больныхъ бѣдняковъ ждали—не дождалась этой самой койки. И даже изъ покойницкой, когда его вынесли, и тамъ его мѣсто тотчасъ же было занято двадцатью покойниками, найденными подъ обломками рухнувшего дома. И на самомъ кладбищѣ, кто его знаетъ, сколько времени онъ будетъ спокойно лежать въ своей могилѣ? Кто можетъ знать, сколько кандидатовъ предвидится уже на этотъ несчастный клочекъ земли.

Онъ молча на свѣтъ Божій появился, молча жилъ, тихо умеръ и еще тише онъ былъ похороненъ.

Но совсѣмъ не то было на томъ свѣтѣ! Тамъ смерть Бени «Молчуна» произвела сильное, грандіозное впечатлѣніе!

Большая труба Мессіанскихъ временъ раздавалась въ эмпиреяхъ небесъ: «Беня «Молчунъ» умеръ! Беня «Молчунъ» умеръ!» Вся знать изъ сонма близкихъ къ «трону» ангеловъ летѣла, размахивала лучезарными крыльями и изъ устъ ихъ только и слышно было: «Беня «Молчунъ» призванъ въ «Высшее Судилище». Въ раю, въ садахъ Эдема шумъ, гулъ тысячи голосовъ, радость, ликование: «Беня «Молчунъ». Шутка ли, Беня «Молчунъ»?

Молодые ангелочки съ яхонтовыми глазами, золотыми крылышками въ серебряныхъ сандаличкахъ впуски бѣжали на встрѣчу Бенѣ «Молчуну». Шумъ крыльевъ, стукъ сандаличковъ и веселый серебристый смѣхъ, раздававшійся съ ихъ юныхъ, розовыхъ устъ наполняли все пространство небесъ и достигли самого трона Всевышняго. И самъ Богъ узналъ, что Беня «Молчунъ» прибылъ.

Святой патріархъ Авраамъ, тоже вышелъ и у вратъ небесъ остановился. Его правая рука протянулась для радостнаго привѣтствія, и блаженная улыбка озаряла черты его старческаго лица.

— Что это такъ шумитъ, тамъ, на краю небесъ?

— Это два ангела везутъ золотое кресло въ сады Эдема для него, для Бени «Молчуна».

— Что тамъ такъ ярко сіяетъ, переливаясь всѣми красками радуги?

— Корону для Бени «Молчуна» только что мимо пронесли. Корону, усыпанную дорогими, разноцвѣтными камнями.

— Какъ это, еще до рѣшенія Верховнаго Судилища?—спрашиваютъ нѣкоторые праведники не безъ зависти.

— Какой тамъ судъ?—отвѣчаютъ ангелы.—Это будетъ одна лишь пустая формальность. Противъ Бени «Молчуна» даже самъ обвинитель ни слова не скажетъ. Все «дѣло» займетъ не болѣе пяти минутъ.

— Вы шутите, что такое Беня Молчунъ?

Когда ангелы подхватили Беню, подняли его на воздухъ и спѣли ему привѣтственный гимнъ, когда св. патріархъ Авраамъ съ чувствомъ восторга и благоговѣнія дружески пожалъ ему руку; когда онъ услышалъ, что для него приготовлено кресло въ садахъ Эдема, что на голову его одѣнуть золотую корону, что Высшій Судья даже лишняго слова не скажетъ—Беня также, какъ тамъ, въ томъ мірѣ *молчалъ* отъ страха. Сердце въ немъ замерло. Онъ убѣжденъ, что это не больше, какъ сонъ. Или же это просто ошибка. Вѣдь онъ такъ привыкъ всю свою жизнь и къ тому и къ другому! Мало-ли пріятныхъ сновъ онъ видѣлъ въ продолженіе своей многострадальной жизни! Сколько разъ онъ видѣлъ во снѣ, будто онъ считаетъ деньги, много, цѣлую кучу денегъ! А проснувшись онъ видѣлъ себя тѣмъ же бѣднякомъ, что и вчера, пожалуй, еще хуже. Не разъ ему по ошибкѣ кто-то улыбался, говорилъ теплое, ласковое слово. Но чрезъ минуту тотъ отворачивался и брезгливо отплевывался.

— Ужъ такова моя судьба,—думаетъ себѣ Беня.—Всегда со мною такъ было!

И онъ боится поднять глаза вверхъ, чтобы сонъ не испарился, чтобы вмѣсто

ожидаемаго блаженства онъ не проснулся бы гдѣ либо въ пещерѣ, среди змѣй и скорпионовъ. Онъ боится испустить вздохъ, издавать хоть бы одинъ звукъ, пошевелить однимъ пальцемъ. Онъ боится, чтобы его не узнали и не бросили бы куда нибудь въ преисподнюю.

Онъ дрожитъ, трясется какъ въ лихорадкѣ. Онъ не слышитъ привѣтливыхъ рѣчей окружающихъ его ангеловъ. Онъ не видитъ радостную суету вокругъ него, Бени «Молчуна». Онъ разсѣянъ. Онъ не отвѣчаетъ на радостное привѣтствіе св. патріарха Авраама. Онъ предстаетъ передъ Высшимъ Судьей и не дѣлаетъ ему поклона. Онъ внѣ себя отъ страха!

И его страхъ сталъ еще болѣе мучительнымъ, когда онъ вдругъ, какъ-то не хотя взглянулъ на полъ въ аппартаментахъ Высшаго Судьи. Бѣлый сапфиръ, усыанный изумрудомъ!

— «И на этомъ полу стоятъ мои ноги», подумалъ съ трепетомъ Беня. Тутъ онъ окончательно теряется.

— Какъ же это такъ?—думаетъ онъ себѣ.—Кто знаетъ, замѣнъ какого праведника, какого знаменитаго равви, или извѣстнаго богача притащили, по ошибкѣ, меня? Кто его знаетъ, что тутъ произойдетъ? А вдругъ онъ придетъ! Боже мой, что же тогда со мною будетъ?

Отъ страха Беня даже не слышалъ какъ предсѣдатель Высшаго Судилища объявилъ: «Слушается дѣло Бени «Молчуна»—и, подавъ бумаги защитнику, сказалъ: «Читай, только вкратцѣ».

Весь залъ ходуномъ пошелъ въ глазахъ Бени. Голова у него закружилась. Въ ушахъ звенить. Но онъ всетаки отчетливо слышитъ слова защитника, плавная, пѣвучія, какъ звуки дивной музыки.

— Его имя,—слышитъ Беня—соотвѣтствовало его душѣ, шло къ нему, пристало, какъ сшитое искусной рукой выдающагося мастера платье пристаетъ къ граціозной, гибкой талии.

— Что онъ такое говоритъ,—думаетъ себѣ Беня и слышитъ, какъ чей-то властный голосъ перебиваетъ защитника:

— Только безъ притчъ, нельзя-ли безъ сравненій?

— Онъ никогда ни на кого не жаловался,—продолжаетъ дальше защитникъ. Не ропталъ ни на Бога, ни на людей. Его глаза никогда не вспыхивали искрой гнѣва. Онъ никогда не взыскивалъ, никогда ничего настойчиво не требовалъ отъ Бога.

Беня опять не понимаетъ ни одного слова. А тотъ же властный голосъ опять перебиваетъ защитника

— Нельзя ли безъ риторики?

— Святой Іовъ не выдержалъ. Онъ былъ несчастнѣе...

— Факты, сухіе факты,—отзывается все тотъ же неспокойный властный голосъ.

— На восьмой день его обрѣзали по закону Моисея...

— Только безъ реализма!

— Операторъ-обрѣзатель, человекъ не знавшій какъ слѣдуетъ свое искусство, не могъ остановить кровь...

— Дальше!

— А онъ все *молчалъ*—продолжаетъ защитникъ.—Даже когда умерла его мать и на 13-мъ году жизни у него уже была мачиха, женщина-змѣя, фурия...

— А, можетъ быть, это таки обо мнѣ—думаетъ себѣ Беня—Что то похоже...

— Только безъ инсинуаціи и безъ личностей,—серdito обрываетъ предсѣдатель защитника.

— Она жадничала, ѣсть ему не давала, кормила его черствымъ, зацвѣтшимъ хлѣбомъ. Кости, хрящи давала ему, вмѣсто мяса. А сама она кофе со сливками распивала.

— Къ дѣлу! къ дѣлу!—кричитъ предсѣдатель.

— Зато она ногтей своихъ не жалѣла... Сквозь разорванное, дырявое платье постоянно видѣлись раны и ссадины на его посинѣвшемъ тѣлѣ. Зимой, въ лютый морозъ онъ босой дрова таскалъ, самъ рубилъ ихъ. Руки его были еще слабы, полѣна толстыя, а топоръ тупой. Сколько разъ онъ себѣ вывихнулъ руку, сколько разъ отмораживалъ ноги! Но онъ молчалъ, скрывалъ даже передъ роднымъ отцомъ...

— Передъ пьяницей-то! разсмѣялся обвинитель. И у Бени морозъ по кожѣ пробѣжалъ.

— Не жаловался никому,—кончаетъ защитникъ.

— И всегда одинокъ,—продолжаетъ дальше защитникъ.—Ни одного товарища, ни въ «хедерѣ», ни на улицѣ. Никогда ни одного красиваго, цѣлаго платья. Ни одной свободной минуты...

— Факты, факты,—кричитъ предсѣдатель.

— Онъ молчалъ еще тогда, когда пьяный отецъ однажды схватилъ его за волосы и въ зимнюю стужу, въ темную, темную ночь выбросилъ его на улицу. Онъ тихо поднялся со снѣга и побѣжалъ, куда глаза глядятъ.

— По дорогѣ онъ молчалъ. Голодный онъ только глазами умолялъ дать ему поѣсть и никому ни слова. Въ ненастную, весеннюю ночь онъ попалъ на улицу громаднаго города. Онъ попалъ туда, какъ капля въ безбрежный океанъ и въ ту же ночь ночевалъ въ арестномъ домѣ. Но онъ *молчалъ*, не спрашивалъ: «за что и почему». Онъ вышелъ и сталъ искать работу, хоть бы самую тяжелую. И все это безъ словъ, безъ намека на ропотъ или недовольство. Конечно, найти эту работу было гораздо труднѣе, чѣмъ дѣлать ее; но онъ всетаки молчалъ, обливаясь холоднымъ потомъ, придавленный тяжестью непосильной ноши, при ревматизмѣ и постоянно пустомъ желудкѣ—онъ *молчалъ*. Вѣчно обрызганный чужой грязью, оплеванный, униженный, гонимой съ тротуара вмѣстѣ со своей ношей на мостовую въ сутолоку бѣгущихъ дрожекъ, каретъ, омнибусовъ и трамваевъ, глядя каждую минуту въ глаза смерти онъ *молчалъ*.

— Онъ никогда не высчитывалъ, по сколько пудовъ тяжестей ему приходилось носить за одинъ мѣдный грошъ. Онъ не считалъ, сколько разъ онъ спотыкался и падалъ при заработкѣ въ алтынъ. Онъ не считалъ, сколько разъ онъ кровью харкалъ, пока получалъ несчастные, заработанные гроши. Онъ никогда не разсуждалъ ни о своей, ни о судьбѣ другого. Онъ *только молчалъ*.

— Свои заработанные гроши онъ требовалъ безъ дерзости, даже голоса никогда не возвышалъ. Какъ нищій онъ стоялъ у дверей и въ глазахъ его стояла одна мольба, рабская, покорная. «Приди позже»—однихъ этихъ словъ уже достаточно было, чтобы онъ исчезъ, какъ тѣнь, для того, чтобы позже еще покорнѣе, еще болѣе тихо и кротко вымолить свой заработокъ. Онъ молчалъ даже тогда, когда ему не доплачивали или совали фальшивую монету. Онъ *только молчалъ*.

— Значитъ, все это касается таки меня,—подумалъ Беня.

— Однажды—продолжаетъ защитникъ, хлебнувъ немного воды—въ жизни Бени случилось нѣчто необыкновенное, по улицѣ неслась карета со взбѣсившимися рысакими, кучеръ давно уже лежалъ на панели съ разбитой головой. Пѣна изо рта, искры, летящія подъ ударами подковъ, страшные, горящіе какъ уголья глаза взбѣшенныхъ животныхъ и въ самой каретѣ ни живъ, ни мертвъ какой то господинъ. И Беня останавливаетъ лошадей, и господинъ сидѣвшій въ каретѣ остался живъ. Онъ извѣстный въ городѣ еврей, миллионеръ, благотворитель. О, онъ Беню не забудетъ! Онъ его вознаграждаетъ щедро, по-барски! И дѣйствительно, онъ его вознаграждаетъ... Онъ подарилъ ему кнутъ убитаго кучера... И Беня сдѣлался извозчикомъ... Еще больше, онъ женилъ его и не забылъ даже надѣлать его сыномъ... *А Беня все молчалъ.*

— Да, это все про меня—убѣдился наконецъ Беня. Но онъ все-таки не осмѣливается еще даже одинъ глазъ поднять, чтобы взглянуть на «Высшаго Судью». Онъ прислушивается опять къ тому, что говоритъ его защитникъ.

— Онъ молчалъ даже тогда,—продолжаетъ защитникъ,—когда его благодѣтель обанкротился и не заплатилъ ему обѣщаннаго вознагражденія. Онъ молчалъ даже тогда, когда жена его бросила, оставивъ ему на руки годовалаго ребенка. И молчалъ даже тогда, когда пятнадцать лѣтъ спустя этотъ ребенокъ выросъ и почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы вышвырнуть Беню черезъ порогъ его же дома.

— Да, да, это все про меня,—радуется Беня.

— Онъ даже молчалъ тогда—начинаетъ съ какой то трагической ноткой въ голосѣ защитникъ—когда тотъ же благодѣтель его удовлетворилъ всѣхъ своихъ кредиторовъ, а ему, Бенѣ, не заплатилъ ни гроша жалованья. Онъ не протестовалъ и тогда, когда тотъ негодай приобрѣлъ опять рысаконъ и карету на резинахъ, переѣхалъ и чуть на смерть не убилъ несчастнаго Беню. *Онъ все молчалъ.*

Онъ даже полиціи не жаловался на своего обидчика.

— *Онъ молчалъ* даже въ госпиталѣ, гдѣ кричать, кажись, никому уже не запреще-

но. *Онъ молчалъ* и тогда, когда дежурный врачъ безъ полтинника не хотѣлъ подойти къ его кровати, а сторожъ безъ гривенника не соглашался подсвѣжить постельное бѣлье. *Онъ молчалъ* при агоніи. Онъ молчалъ при смерти... Я кончилъ.

Беня опять начинаетъ трястись, какъ въ лихорадкѣ. Онъ знаетъ, что послѣ защитника начнетъ говорить обвинитель. «Кто его знаетъ, что онъ тамъ скажетъ?» думаетъ себѣ Беня. Онъ жизнь свою несколько не помнитъ. Онъ всегда забывалъ, что съ нимъ творилось на минуту раньше. Теперь же защитникъ обо всемъ ему напомнилъ. Кто же знаетъ, что ему обвинитель еще напомнитъ?

— Господа,—слышитъ Беня какой-то пронизывающій, зычный голосъ. Но спустя секунду голосъ обрывается.

— Господа—раздается опять этотъ же голосъ, но мягче прежняго. И онъ снова обрывается.

Наконецъ, слышатся изъ тѣхъ устъ мягкія, почти ласковыя слова:

— Господа, *онъ молчалъ и я буду молчать.*

Наступаетъ торжественная минута. Кругомъ тишина. Вдругъ раздается нѣжный, ласкающій голосъ:

— Беня, мое дитя, Беня! И эти слова звучатъ такъ сладко, какъ звуки золотой арфы.

И сердце плачетъ у Бени. Плачетъ отъ восторга и неземнаго блаженства. Онъ теперь открылъ-бы уже глаза, но онъ все равно ничего не увидѣлъ-бы потому, что они затуманены слезами. Ему такъ сладко. Онъ такого счастья еще ни разу не испыталъ. «Беня, дитя мое, мой Беня». Онъ этихъ словъ, эту ласку не слышалъ уже такъ давно. Почти съ того дня, какъ мать его умерла.

— Мое дитя, — продолжаетъ Высшій Судья—ты все вытерпѣлъ и молчалъ. Въ твоёмъ тѣлѣ нѣтъ мѣста, которое-бы не болѣло; ты весь израненъ и измученъ. И душа твоя истерзана, измучена. *А ты все молчалъ.*

— Тамъ, въ томъ мірѣ ты не былъ понятъ. Ты и самъ не зналъ, что ты можешь и даже вправѣ кричать... что отъ твоего крика даже Іерихонскія твердыни должны содрогнуться. Ты самъ не зналъ

о скрытыхъ въ тебѣ, о твоихъ спящихъ силахъ. Тамъ, въ томъ мірѣ, твое молчанье вовсе не оцѣнили. Но тотъ міръ, міръ лжи и людской несправедливости. А здѣсь міръ вѣчной правды. И ты за все будешь вознагражденъ. Тебя Высшій Судъ судить не станетъ. Его вердиктъ тебѣ не нуженъ. Онъ не можетъ ни къ чему тебя приговорить и ничѣмъ вознаградить. Ты внѣ его. Возьми, что только хочешь. Все твое!!

Беня впервые открываетъ свои глаза. Онъ ошеломленъ. Все блещитъ и переливается тысячами огней. Кругомъ блескъ, роскошь и цѣлые снопы огненныхъ лучей. И онъ опускаетъ свои утомленные глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спрашиваетъ онъ робко и застѣнчиво.

— Безусловно! — отвѣчаетъ Высшій Судья.—Будь спокоенъ. Все здѣсь, въ небесахъ, все твое! Ибо все то, что здѣсь, такъ ярко блещетъ, всѣ эти переливающиеся цвѣта золотистыхъ лучей и все это одно лишь отраженіе твоей рѣдкой, кристально-чистой души. Ты берешь «свое», а не чужое!

— Въ самомъ дѣлѣ?—уже болѣе увѣренно переспрашиваетъ Беня.

— Да! да! да!—отвѣчаютъ ему со всѣхъ сторонъ.

— Въ такомъ случаѣ—продолжаетъ Беня—то я таки хочу, чтобы мнѣ каждое утро подали горячую булку со свѣжимъ масломъ.

Судьи и ангелы переглянулись и, покраснѣвъ, опустили головы. Имъ стыдно стало. А обвинитель долго и громко хохоталъ.

Конецъ.

(Перев. С. Г.)

Арлекинъ.

За кулисою одинъ,
У завѣтной дверцы
Плачу, бѣдный арлекинъ
О разбитомъ сердцѣ.

* * *

Гаснетъ лампа, все тѣснѣй
Обступаютъ тѣни,
Вторитъ ночь тоскѣ моей
Пѣснею осенней.

* * *

Хлещетъ дождикъ, вѣтеръ пьянъ,
Вздулась парусина,
Пропади ты балаганъ
Съ горемъ арлекина.

Вотъ твой бубенъ, обручъ твой,
Звѣздная повязка,
Гдѣ теперь ты, что съ тобой
Золотая сказка?

* * *

Лейтесь слезы вы мои—
Бисерныя блески,
Мойте слезныя ручьи
Грязныя подмостки.

* * *

Александръ Рославлевъ.

БЛЕСТЯЩАЯ БУДУЩНОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Взоры всѣхъ устремлены на нее. Она была прелестна въ своемъ коротенькомъ, бѣломъ платьѣ, перетянутаго широкимъ атласнымъ кушакомъ. Золотистые локоны спускались на плечи и на голенькую шейку, украшенную ниткой красныхъ коралловъ. Она казалась довольной и счастливой. Большіе глаза ея сіяли и искрились, отражая въ себѣ свѣтъ люстры. Она отодвинула стулъ, сѣла, расправляя платице, и нѣжные дѣтскіе пальчики забѣгали по клавишамъ. Бурные апплодисменты, одобрительныя восклицанія!... Веселая и счастливая, она играетъ еще и еще. Маленькіе пальчики съ легкостью и граціей преодолеваютъ трудныя препятствія, и звучные аккорды вылетаютъ изъ подъ нихъ, слагаясь въ красивыя мелодіи. Слушатели очарованы. Полный важный генералъ въ партерѣ громко съ усиліемъ хлопаетъ руками и крупная звѣзда на его груди прыгаетъ при каждомъ движеніи его тучнаго тѣла. А элегантная дама въ ложѣ направо перегнулась и шепчетъ что-то господину во фракѣ. Всѣ восхищены. Она спѣшитъ за кулисы, чтобъ подѣлиться впечатлѣніями съ мамой.

— Ниночка! Нинуся!—и мать раскрываетъ ей свои объятія.

II.

Садъ иллюминированъ. Разноцвѣтные фарики спускаются съ деревьевъ. Красныя и синія афиши извѣщаютъ о новомъ вундеркиндѣ: 9 лѣтней виртозкѣ Нинѣ. Публика гуляетъ, ожидая антракта, и шумитъ, какъ рой пчелъ. «Прелестно!» раздаются возгласы. «И вѣдь совсѣмъ дитя. Только 9 лѣтъ. О, у нея блестящая будущность. Чудо-ребенокъ!» А она шла между ними, веселая съ блестящими глазами, въ скромной шапочкѣ и желтомъ поношенномъ пальто рядомъ со своей мамой. Мать крѣпко сжимала крошечную ручку и, наклоняясь къ сіяющему личику дѣвочки, шептала:

— Ты не устала, Нинуся? Смотри, не волнуйся только. А я тебя за стѣной послушаю. Какой ты у меня молодецъ, Ниночка!

Проходившіе люди оглядывались на нее и говорили:

— Какъ хорошо, какъ восхитительно она играетъ!

И материнское сердце полно гордости, кажется, оно разорвется сейчасъ отъ избытка счастья. Ей, избитой и измученной жизнью, хочется прыгать и смѣяться, какъ прыгаетъ и смѣется сама маленькая Нинуся. Такого настроенія она давно не помнитъ. Ея мимолетное семейное счастье скоро смѣнилось беспросвѣтными невзгодами и чѣмъ хуже слагались условія жизни, тѣмъ болѣе виноватой чувствовала она себя передъ маленькимъ существомъ, своей единственной дочерью, Ниной. Три года назадъ она овдовѣла и какъ ни недостаточна была нравственная и матеріальная поддержка со стороны легкомысленнаго и неустойчиваго человѣка, какимъ былъ ея мужъ, все же послѣ смерти его, она почувствовала себя одинокой и еще больше безпомощной «Дѣтская душа, какъ хрупкій фарфоръ», мелькали въ ея умѣ одинокія мысли... Удастся ли ей предохранить свою дѣвочку отъ жизненныхъ невзгодъ? Теперь она холитъ, лелѣетъ ее. Но надолго-ли? Доживетъ-ли она до того времени, когда Нинуся можетъ

обойтись безъ ея помощи? На кого оставить она Нинусю? Не на доброжелательныхъ-ли родственниковъ, покачивающихъ головами на каждый ея шагъ и каждое движеніе, неспособныхъ заглядывать въ чужую душу, и съ рожденія Нины только умѣвшихъ повторять: «Она избалуетъ дѣвочку. Развѣ можно воспитывать такъ ребенка?»

И вдругъ Божій даръ, талантъ у ея маленькой дочки!... Не лучший ли это талисманъ для кроткихъ и беззащитныхъ въ жестокой борьбѣ за существованіе?

И материнское сердце бьется, полное надеждъ, и въ ушахъ, какъ музыка, звучатъ слова: «У нея блестящая будущность».

III.

— Невѣста идетъ!—пронеслось въ толпѣ. Двери парадно убраннаго подъезда распахнулись. Нѣсколько людей поспѣшно выскочили оттуда. Взволнованный шаферъ бросился открывать дверцы кареты. Вышла невѣста подъ ручку съ красивымъ и стройнымъ господиномъ.

— Какая красивая, молоденькая! А почему лицо ея печально?—говорили въ толпѣ. Нехорошо!

А невѣста стройная, бѣленькая медленно спускалась по каменнымъ ступенямъ. Передъ ней, какъ въ туманѣ, пронеслись картины ея беззаботнаго дѣтства. Большое зало. Свѣтъ люстръ. Элегантная публика. Ее называютъ «вундеркиндомъ». И имя «Нины» восторженно повторяютъ всѣ уста. Бурные апплодисменты со всѣхъ сторонъ. Хорошо!

— Ниночка! Нинуся! Мать ожидаетъ ее за кулисами. Но гдѣ все это? Она очнулась отъ своихъ грезъ... Прямо передъ ней стоялъ радостно-возбужденный ея мужъ. Надо взять себя въ руки. Она поспѣшно стряхиваетъ слезинку подвѣнечной фатой и улыбаясь что-то отвѣчаетъ ему. А мысли бѣгутъ своимъ чередомъ. «Мама умерла»... Маленькая виртоузка давно забыта. Нина и не замѣтила, какъ краски жизни начали тускнѣть. Давно уже живетъ она въ меблированныхъ комнатахъ въ одной изъ отдаленныхъ, грязныхъ улицъ. Давно простое, не рѣдко поношенное платье, смѣнило хорошенькіе наряды, которые изобрѣтала мама на послѣдніе гроши. И всетаки старыя родственницы, предоставившія ея своей судьбѣ, удивляются на каждый ея шагъ и каж-

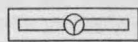
дое движеніе и строго говорятъ: «Ты, кажется, милая, забываешь, что въ твоемъ положеніи нельзя роскошничать; ты, кажется, воображаешь, что у тебя миллионы. Замужъ тебѣ, милая, пора».

И Ниночка сжималась, какъ могла. Консерваторія, въ которую она такъ стремилась, и куда не попала, не имѣя протекціи и связей, смѣнилась службой въ коммерческой конторѣ, отнимавшей у нея послѣднія силы, послѣднюю энергію. Дорого обходился заработокъ, а жизнь все требовала денегъ. Каждая булавка что нибудь да стоитъ. Гдѣ ужъ тутъ думать о музыкѣ! Сначала она грустила объ этомъ, но жизнь съ ея мелкой суетой вытѣсняла музыку изъ ея головы. Мало по малу она больше не вспоминала о ней. Изрѣдко, какъ молнія, мелькала мысль: «Я могла бы играть, могла бы быть артисткой». Болѣзненно сжималось сердце, и она отгоняла мечту, напрасно смущавшую ее и выбившую ее изъ колеи. Такъ понемногу угасала святая искорка въ мелкой борьбѣ будничной обстановки.

И все чаще и чаще звучала знакомая фраза: «Замужъ! Замужъ пора». И она приняла предложеніе. Что ожидаетъ ее теперь? Семейная жизнь... Кто знаетъ, быть можетъ, несходство вкусовъ и характеровъ, ссоры... Нѣтъ, вѣдь ей казалось, она любить своего Тему... Но, вѣдь, большинство невѣстъ любятъ своихъ жениховъ. На первыхъ порахъ жизнь не дастъ очнуться. А потомъ дѣти... Новыя маленькія существа... Ихъ жизнь станетъ ея жизнью... Ея жизнью. Она невольно повторяетъ эти слова и впервые отчетливо, жуткимъ и насмѣшливымъ вопросомъ отдаются они въ душѣ. Что осталось отъ той жизни, которую рисовало ея ребячечкое воображеніе, къ которой стремилась она всей душой?

Неудержимыя слезы бѣгутъ изъ ея глазъ... Она отворачивается къ окну и плачетъ, плачетъ о чемъ-то хорошемъ, близкомъ, навѣки потерянномъ,—о несбывшихся надеждахъ своей блестящей будущности.

Эмма Григеръ.

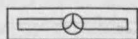
Стихотвореніе.

Мы разрушили чары волшебныя,
Заколдованный кругъ перешли,
И, свободные, смѣлые, гордые,
Мы на праздникъ чудесный пришли.
Взявшись за руки, лентой красивою
Извиваясь, идетъ хороводъ.
Пойте громче, нарядныя дѣвушки,
Пусть послушаетъ вольный народъ.
Мы разрушили чары тяжелыя
Безобразной волшебницы злой
И, свободные, смѣлые, гордые,
Здѣсь смѣшались съ нарядной толпой.

О, какъ весело сердцу свободному!
О, какъ дышется грудью легко...
Грусть смѣнилась весельемъ и радостью,
Грусть осталась теперь далеко.
Мы смѣшались съ родными и милыми,
Мы толпѣ этой братья, сыны...
Веселитесь, нарядныя дѣвушки!
Исполняйте завѣтные сны!..

Еф. Бахаревъ.

Повѣяло весной.

(Эскизъ).

I.

— Здѣсь живетъ Александръ Васильевичъ Григорьевъ?—раздался въ передней молодой женскій голосъ, который показался Александру Васильевичу знакомымъ.

— Гдѣ я его слышалъ?—подумалъ онъ и громко сказалъ, выйдя въ переднюю.--Да, здѣсь. И предъ вами онъ самъ.

— Господи! Неужели это вы?—недовѣрчиво произнесла дама и, откинувъ съ лица вуаль, улыбаясь спросила:

— А меня узнаете?

Предъ нимъ стояла красивая и стройная блондинка.

— Вы? Леля!

И вдругъ онъ радостно схватилъ ее за руки и задыхающимся отъ волненія голосомъ тысячу повторилъ одну и ту же фразу:

— Леля! Милая, дорогая Леля!

— Вы все такой-же порывистый... Ну, что-же, такъ и будемъ стоять у порога вашей комнаты?—засмѣялась она, глядя въ растерянное и по дѣтски восхищенное лицо Александра Васильевича, который, не отрывая глазъ отъ ея лица, тихо шепталъ:

— Вы? Леля! Моя славная, хорошая дѣвочка! Ахъ, какъ я радъ! Какъ я счастливъ!..

— Какой смѣшной!.. Ну, чему такъ обрадовались? Говорите-же скорѣй, гдѣ ваша комната? Я буду раздѣлываться...

И она ловкимъ движеніемъ руки, не ожидая его помощи, сбросила съ себя теплый сакъ. А теперь сюда прикажите, указывая на полуоткрытую дверь комнаты, спросила она.

— Ахъ, да!.. Да... Идемте, идемте!--заторопился Александръ Васильевичъ.

Онъ пропустилъ ее мимо, впередъ себя, въ ту маленькую, квадратную комнатку съ низкимъ сводомъ и небольшимъ выходящимъ во дворъ окномъ, которую онъ давно уже занималъ у одной старушки вдовы. Въ комнатѣ было неуютно и мрачно, разбросанно и до жути тихо.

— Поэтический беспорядокъ! оглядывая обстановку, промолвила гостя, Елена Петровна Новицкая. Точъ въ точъ, какъ въ Петровскѣ.

— Старья привычки!--усмѣхнулся онъ. Ну, садитесь-же! Рассказывайте скорѣе, какъ вы попали сюда, зачѣмъ? Боже мой! А радъ-то, радъ-то я какъ, если-бы вы знали!..

— Правда?

— И знаете, я почему-то вѣрилъ, что мы непременно должны встрѣтиться. Предчувствіе, что ли? Что вы такъ на меня смотрите? Перемѣнился? Да?—съ грустной ноткой въ голосѣ спросилъ Александръ Васильевичъ, фиксируемый пристальнымъ взглядомъ молодой женщины.

— Да. Я ни за что не узнала-бы васъ, если-бы встрѣтилась на улицѣ.

— Что подблещетъ? Жизнь не краситъ, не молодитъ... Пожилъ! Хлебнулъ слезъ...

— А правда, что вы пьете? Я слышала въ Петровскѣ. И говорятъ много пьете?

— Пью!--созналъ онъ. Нельзя не пить. Понимаете-ли, нельзя.

— Почему?

— Долго рассказывать... Когданибудь скажу, но не теперь... Пожалуйста...

Въ послѣдней фразѣ было столько грусти, мольбы, отчаянія, что Елена Петровна не рѣшалась его расспрашивать, доискиваясь причинъ его пагубной страсти.

— Бѣдный!--подумала она. Неужели же онъ погибъ? Нѣтъ. Не можетъ быть.

— Ну, хорошо я не буду растревлять ваши раны!--громко прибавила она.

— Спасибо. Я самъ скажу... Все, все... Погодите...

— А пить будете?

— Пока вы здѣсь, нѣтъ, а потомъ не знаю.

— А если я всегда буду здѣсь?

— Вы шутите? Зачѣмъ? горько усмѣхнулся Александръ Васильевичъ и нервно зашагалъ по комнатѣ.

— Не понимаю! заговорилъ онъ послѣ короткой паузы грубо и злобно. Къ чему эта комедія? И если только вы пришли сюда за тѣмъ, чтобы поглумиться надо мной и подъ оболочкой шалости усилить мои страданія, пожалѣть меня, то это неблагородно и нечестно. Я не хочу ничьихъ сожалѣній... Слышите?

— Послушайте, Александръ Васильевичъ! кротко заговорила молодая женщина. Вы нервничаете и обижаете меня, хотя я не сержусь на васъ. Хотите, я скажу вамъ зачѣмъ я пріѣхала сюда?

— Спасать? О, я такъ и зналъ!..

— Неправда! горячо запротестовала она. Я пріѣхала сюда работать. Я буду жить здѣсь всегда, и если вы не откажетесь отъ дружбы со мной, я ставлю одно условіе, чтобы вы бросили пить,—тогда я буду вашимъ другомъ.

— И чего ей надо? Только растрвила наболѣвшія воспоминанія... завертѣлись въ головѣ Александра Васильевича, безпокойныя мысли. Что она здѣсь будетъ дѣлать? Работать? Смѣшно...

— Ну, такъ что-же? Согласны на мои условія, милый другъ? повторила Елена Петровна, и темные бархатные глаза ея засіяли свѣтлымъ огонькомъ тепла и при вѣта.

— Если ужъ вы такъ настаиваете, извольте: принимаю условіе!--процѣдилъ онъ равнодушнымъ тономъ.

— Вотъ, это хорошо! А теперь миръ? Да? И будемъ рассказывать другъ другу, какъ мы жили все это время! ласково сказала Елена Петровна. Не хмурьтесь-же!..

Онъ сѣлъ противъ нея послушно, какъ ребенокъ и съ любовью вглядывался въ ея жизнерадостное, молодое и энергичное лицо.

— А она похорошѣла!--блеснула въ его головѣ мысль, но изъ скромности онъ удержался произнести ее вслухъ. Банально, подумалъ онъ. И какъ это давеча позволилъ я такъ фамиллярничать съ ней. Обрадовался!.. И развѣ я ей пара!.. Было когда-то и что-то, но оно прошло и сметено безвозвратно, въ туманную невозвращающуюся даль воспоминаній. Ишь, какая она спокойная, ровная!.. Да, прошлаго не воротить. Онъ задумчиво склонилъ свою голову и въ

этой позѣ оставался до тѣхъ поръ, пока его не окликнулъ голосъ Елены Петровны:

— Опять несносныя думы? Ахъ, какой вы скучный! Ну, говорите же...

— Нѣтъ, вы! Вы сначала...

— Ну, хорошо. Слушайте! И она начала рассказывать, какъ она жила въ Петровскѣ послѣ отъѣзда Александра Васильевича.

— Скверно жилось!--тихо говорила она. Сначала я поступила учительницей въ одно семейство, но не сошла съ барыней и принуждена была отказаться отъ этого мѣста. Потомъ поступила на желѣзную дорожку переписчицей на машинѣ. Служба сравнительно легкая и оплачивалась хорошо. Только скучная мертвая работа! Получила отъ дяди наслѣдство, небольшое, ну, вотъ и пріѣхала сюда. Хочу открыть частную школу. Какъ вы думаете?

— Мысль недурная! одобрилъ Александръ Васильевичъ.

— Да? Я очень рада. Люблю ребятишекъ. А вы будете мнѣ помогать?

Онъ весело улыбнулся.

— Отвыкъ я отъ учительства... Нервы!.. А впрочемъ, можно. Располагайте мной, какъ собой. Я къ вашимъ услугамъ.

И долго еще въ комнатѣ Александра Васильевича слышался оживленный говоръ двухъ голосовъ; строились планы о будущей школѣ, о совмѣстной работѣ, высказывались розовыя надежды, что школа будетъ имѣть успѣхъ и вызоветъ со стороны многихъ скукающихъ интеллигентовъ подражаніе, и тогда Россія—темная, невѣжественная, безграмотная, покроется сѣтью такихъ школъ, общедоступныхъ, дешевыхъ, а главное идейныхъ...

— Ну, теперь мнѣ пора. Уже поздно!--сказала Елена Петровна, поднимаясь съ мѣста и разглядывая оставленный ею на столѣ черновикъ чертежа школы.

— А слово свое помните?

— Помню и сдержу!--убѣжденно отвѣтилъ Александръ Васильевичъ. Расшевелили вы меня и заразили...

— Я живу въ двухъ шагахъ отъ васъ. Заглядывайте!

И, сказавъ ему точный свой адресъ, ушла, веселая, жизнерадостная, спокойная, крѣпко пожавъ ему руку.

Когда Александръ Васильевичъ возвратился въ свою тихую комнату, на душѣ у него сдѣлалось такъ хорошо и свѣтло, что онъ долго не могъ сообразить, сонъ ли это былъ, или же все случилось дѣйствительно наяву.

— Такъ неожиданно!--шепталъ онъ. А какъ я держалъ себя сначала глупо!--припоминалъ онъ. Какъ мальчишка. Ночью онъ долго писалъ. На душѣ его было тихо, спокойно.

— Какая она славная, милая! И почему она ни однимъ словомъ не обмолвилась о нашемъ прошломъ? Неужели крестъ? «Заглядывайте!» сказала она и какъ просто она это сказала! Милая!

Онъ уснулъ безмятежнымъ и сладкимъ сномъ, мечтая о неожиданной встрѣчѣ, о

Лелѣ, которую онъ любилъ, живя въ Петровскѣ, которая сама сказала ему, что она его любитъ. Ихъ любовь была нѣжной, цѣломудренной, святой первой любовью. Во снѣ онъ видѣлъ ее, Лелю, окруженную дѣвочками и мальчиками, которые тормошили ее разными вопросами... А она, улыбающаяся, кивала ему головой и заражала его своей жизненной энергіей.

— Милая!.. Леля!.. бредилъ онъ, и лицо его свѣтлѣло отъ улыбки счастья и было такимъ красивымъ и добрымъ, яснымъ и смѣлымъ, юнымъ и энергичнымъ...

II.

Для Александра Васильевича наступили новые, ясные и веселые дни. Прежней апатии и равнодушія къ жизни уже не было замѣтно. Онъ пересталъ пить.

— Точно весной повѣяло!—со счастливымъ задоромъ въ голосѣ рассказывалъ онъ о себѣ Еленѣ Петровнѣ. Они часто бывали другъ у друга. Низенькая и темная комната Александра Васильевича выглядела, въ дни посѣщенія Елены Петровны, уютной, свѣтленькой, шумной.

— На дворецъ не промѣняю!—шутилъ Александръ Васильевичъ. Отношенія между ними установились самыя теплыя и дружескія, но о любви и о прошломъ ни онъ, ни она никогда не заикались и намѣренно, какъ только рѣчь заходила о жизни въ Петровскѣ, старались перескочить на другую тему, чтобы не обмолвиться какъ-нибудь о томъ, что когда-то было между ними.

Первый мѣсяцъ приходилось много хлопотать по устройству школы.

Ходатайство о разрѣшеніи открытія школы взялъ на себя Александръ Васильевичъ. Онъ точно переродился. Цѣлые дни напролетъ, часто не пообедавши, онъ рыскалъ по городу, лова нужныхъ ему людей, чтобы ускорить разрѣшеніе на школу. И это ему удалось скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ самъ.

Вечеромъ Елена Петровна сидѣла въ темной и низенькой комнатѣ и слушала, какъ Александръ Васильевичъ съ раскраснѣвшимъ отъ волненія лицомъ передавалъ ей результаты своихъ ходатайствъ и переговоровъ.

— А знаете, я уже пригласилъ нѣсколькихъ преподавателей въ нашу школу!—заявилъ онъ Еленѣ Петровнѣ. Славные ребята!

— Позвольте, Александръ Васильевичъ! А если школу не разрѣшатъ?

— Школа будетъ!—увѣренно проговорилъ онъ. Помяните мое слово!..

На столѣ шумѣлъ самоваръ.

— Давайте пить чай. А о школѣ не беспокойтесь: будетъ! Посмотрите ка, какъ наши газеты затрещать о ней! Меня и такъ одолѣли репортеры: давай имъ матеріалъ, какъ и что.

Вечеръ обыкновенно проходилъ незамѣтно.

Проводивъ гостя, Александръ Васильевичъ долго сидѣлъ за своимъ столомъ, разбираясь въ разныхъ специальныхъ изданіяхъ по школьному дѣлу, что-то выписывалъ изъ нихъ въ свою записную книжку, потомъ читалъ, стараясь запомнить прочитанное, и далеко за полночь въ комнаткѣ его свѣтился привѣтный огонекъ.

Однажды онъ пришелъ домой ранѣе обыкновеннаго, веселый, возбужденный, счастливый.

— Не была еще Елена Петровна?—спросилъ онъ старушку-хозяйку.

— Нѣтъ еще батюшка! И старушка какъ-то загадочно улыбнулась.

— Надъ чѣмъ, старая? А?

— Да вотъ смотрю я на тебя: и тотъ же ты, да не тотъ!

— Хуже?—засмѣялся Александръ Васильевичъ.

— Веселый сталъ!..

— Весной повѣяло, бабуся! Весной! Школу открываемъ. Не хочешь-ли къ намъ ученицей? А, старая?

Старушка покачала головой.

— А, вотъ и я!—раздался въ передней голосъ Елены Петровны. Ну, что? Какъ? Разрѣшили? забросала она вопросами Александра Васильевича.

Онъ сдѣлалъ серьезно-строгое лицо.

— Позвольте, многоуважаемая Елена Петровна, поздравить васъ съ открытіемъ школы, которая разрѣшена администраціей, шутиливо-официальнымъ тономъ пробарабанилъ онъ. У-рра!... А теперь, старушенція, обратился онъ къ хозяйкѣ, чайку намъ...

— Сейчасъ, батюшка.

Когда она вышла, Елена Петровна схватила руку Александра Васильевича и, крѣпко сжимая ее въ своей, съ чувствомъ сказала:

— Милый!.. Спасибо! Спасибо!..

Въ этихъ словахъ было столько любви и тепла, что онъ не выдержалъ и тихо спросилъ ее:

— Любишь?

— Конечно-же люблю!—сказала она просто и убѣжденно. А ты еще сомнѣвался?

Изъ эту минуту хозяйка внесла самоваръ въ комнату.

— Старушенція! Рекомендую мою Лелю, невѣсту. Прошу любить и жаловать. А между прочимъ приглашаемъ выпить съ нами сего напитка, сирѣчь чая... сказалъ Александръ Васильевичъ и началъ кружить по комнатѣ хозяйку.

— Оставь! Экій баловникъ! Голова закружилась. Поздравляю!—сказала она, обращаясь къ Еленѣ Петровнѣ.

— А его?

— И его тоже! Вотъ, какой озорной. Не могу отдышаться.

Въ темной низенькой комнатѣ стало еще шумнѣе.

Всѣ трое, сидя за чаемъ около шумѣвшаго самовара, чувствовали себя счастливыми и говорили о жизни.

Хозяйка вздыхала, что она лишилась, въ лицѣ Александра Васильевича, скромна-

го квартиранта, но ее утѣшили, что хорошихъ квартирантовъ много на свѣтѣ.

Молодые говорили о школѣ.

— Непремѣнно помѣщеніе для школы будемъ искать въ бѣднѣйшемъ кварталѣ города!—сказалъ Александръ Васильевичъ. Вѣдь, наша школа будетъ школой исключительно для бѣдныхъ дѣтей.

— Да, да. Это неперемѣнно!—соглашалась съ нимъ Елена Петровна.

Послѣ чая они остались вдвоемъ.

— Ахъ, какъ я счастливъ, если-бы ты знала, Леля!—мечтательно произнесъ Александръ Васильевичъ. А были моменты, когда я падалъ духомъ.

— А слово сдержишь? Не будешь пить?

— Не буду!

— Смотри же!

Онъ грустно улыбнулся.

— Я все расскажу тебѣ. Нельзя было не пить.

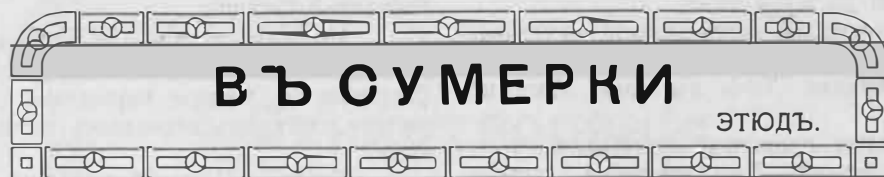
III.

Черезъ полтора мѣсяца въ глухой заброшенной улицѣ, населенной бѣднымъ рабочимъ людомъ, была открыта школа для бѣдныхъ дѣтей Елены Петровны Григорьевой. Въ числѣ преподавателей этой школы, былъ и ея мужъ Александръ Васильевичъ, выдержавшій экзаменъ на городского учителя. Школа Елены Петровны считается одной изъ лучшихъ и образцовыхъ школъ города, но въ нее принимаютъ исключительно бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Многіе изъ зажиточныхъ горожанъ и чиновниковъ обращались къ Еленѣ Петровнѣ съ просьбой помѣстить своихъ дѣтей въ ея школу но она отказывала имъ, говоря, что школа ея открыта только для бѣдныхъ дѣтей.

Говорятъ, что, если школа эта просуществоетъ еще нѣсколько лѣтъ,—бѣднѣйшее населеніе города съ его маленькими обитателями получитъ возможность быть не только грамотными, но и сознательными ея питомцами, знающими не одну азбуку и ариѳметику, но и въ чемъ заключается смыслъ жизни...

Александръ Васильевичъ не пьетъ. Онъ страшно увлекся дѣломъ воспитанія. Дѣтвора его любитъ и между собой называетъ «милымъ дядей Сашей»...

М. Кларинъ.

Ничего не сознавая, Вѣра Николаевна опустилась въ кресло около письменнаго стола. Ея тонкіе похолодѣвшіе пальцы разжались и изъ рукъ выпалъ распечатанный конвертъ и листокъ почтовой бумаги, который былъ исписанъ крупнымъ увѣреннымъ почеркомъ.

Она долго сидѣла неподвижно, устремивъ глаза въ туманную даль надвигающихся сумерекъ. Наконецъ она опомнилась, провела рукой по лбу, точно стараясь отогнать ненавистныя мысли и снова взяла листокъ въ руки. «Я ошибся въ своемъ чувствѣ; въ моемъ увлеченіи вами не было той сильной любви, какъ я думалъ. Я уѣзжаю, такъ будетъ лучше и вамъ, и мнѣ»..

Вѣра Николаевна опять прочла эти строки и положила письмо. Лицо ея, сразу осунувшееся и поблѣднѣвшее, приняло задумчивое выраженіе. Теперь, только те-

перь повѣрила она окончательно въ случившееся. Передъ ней мелькнулъ образъ того, кто написалъ эти холодныя, жестокія слова. Онъ былъ для нея всѣмъ. Ради него она бросила семью, мужа и маленькаго Шурку. Ради него порвала со всѣмъ, что ей было дорого.

На душѣ у Вѣры Николаевны было невыразимо тяжело. Выросталъ какой то страхъ передъ безцѣльнымъ и пустымъ будущимъ. Сердце ныло, болѣзненно ныло отъ нанесенной обиды. Разбитыя иллюзіи... мечты.. Умереть, мелькало въ головѣ Вѣры Николаевны, но она гнала эти мысли; смерть всегда казалась ей чѣмъ то ужаснымъ, а жить... Жить одинокой, оторванной отъ всего. Если бы съ ней былъ ея Шурка. О, тогда бы она легко перенесла все!.. Жить для сына, воспитывать своего мальчика, это было бы спасеніемъ, а те-

перь... Одна, совершенно одна, никому не нужная, никѣмъ не любимая...

Позднія раскаянія мучили Вѣру Николаевну. Зачѣмъ отдала она сына мужу, зачѣмъ не боролась съ нимъ, отстаивая свои права матери, зачѣмъ уступила своего ребенка? Тогда она ничего не сознавала, тогда, ослѣпленная страстью, она отказалась отъ своего сына, продала его за любовь, за свободу.

Два года прошло, съ тѣхъ поръ, какъ она бросила мужа. Шурка теперь ее бы и не узналъ. Два года тому назадъ онъ былъ

совсѣмъ еще маленькій. Конечно онъ забылъ свою маму. Да и имѣетъ ли она право называться матерью? Мать, бросающая своего ребенка?!

У Вѣры Николаевны стучало въ вискахъ, кровь то прилиwała къ головѣ, то отлиwała. Ей хотѣлось забыться, перестать существовать. Хотѣлось вѣрить, что все происшедшее только сонъ, думать, что этихъ 2-хъ лѣтъ никогда не было въ ея жизни, что она прежняя Вѣра Николаевна, что у нея на рукахъ ея милый, ненаглядный трехлѣтній Шурка.

Въ окно глядѣли петербургскія сумерки. Комната теряла свои очертанія, подернутая дымчатою мглой; видны были силуэты разставленной мебели. На письменномъ столѣ бѣлѣлъ листокъ бумаги, который безъ словъ, безъ объясненія говорилъ Вѣрѣ Николаевнѣ о случившемся, о невозвратномъ прошломъ...

А сумерки все ниже и ниже спускались въ полутемную комнату...

Л. Михайлова.

ТЕАТРЪ.

ПОСТЪ *).

— Семенъ Ивановичъ, ради Бога не забудь те же про меня?—взмолилась блондинка и весь апломбъ ея куда-то улетучился.

— Хорошо, хорошо, подойдите ко мнѣ завтра утромъ!—отвѣтилъ толстякъ и направился къ популярной артисткѣ, отъ которой въ свое время недурно поднажился.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! привѣтствовалъ Семенъ Ивановичъ красивую женщину, протянувъ ей пухлую красную руку. — Ищу васъ съ самаго утра и наконецъ-то удостоился.

— Здравствуйте—улыбнулась красавица и небрежно скользнула по немъ подведенными глазками.—Все такой же суетливый и энергичный!

— Все такой-же! Враги мои ничего со мной сдѣлать не могутъ. Я крѣпокъ и вѣрую въ милосердіе Господа, явившаго меня на свѣтъ! отвѣтствовалъ Семенъ Ивановичъ, беря ее подъ руку и пытая, какъ добрая пара воловъ, нагруженная непосильной поклажей. — А вы, радость моя, какъ поживаете?

— Да ничего, слава Богу, вашими молитвами...

— А, это хорошо! Мои молитвы надежныя, я человѣкъ вѣрующій. Куда-же думаете на зиму?

— Еще не рѣшила. Предложеній тьма, а кончать не хочется—подожду еще.

— Такъ, такъ, — Семенъ Ивановичъ крикнулъ и кому-то поклонился. Вы, дочурочка, подождите денька два, я съ вами, пожалуй, покончу—у меня-то какъ у Христа за пазухой. Мы другъ друга знаемъ, пообвыклись—авось опять споемся.

— А кто у васъ режиссеромъ?

— Ну, вотъ, что вамъ за охота касаться пустяковъ. Режиссеръ дѣло второстепенное—были-бы деньги—поговоримъ лучше о болѣе интересномъ.

Скажите, гдѣ вы остановились?

— Я въ Декадансѣ, второй ужъ годъ тамъ останавливаюсь.

— А, великолепно! Ну и что-же, какъ тамъ дѣла?

— Какія дѣла?

— Ну вотъ, что за вопросъ... Вообще... всякія дѣла... какъ торгуетъ гостинница. Много-ли проѣзжающихъ?

— Кажется, много. Въ прошломъ году были знакомые, а нынче что-то не видно. Впрочемъ, я недавно пріѣхала — всего три дня.

— А гдѣ обѣдаете?

— Гдѣ придется. Сегодня еще не рѣшила. Семенъ Ивановичъ крикнулъ.

— Поѣдѣте въ Метрополь, тамъ кормятъ недурно и не очень дорого, — предложилъ онъ вдругъ весьма небрежно.

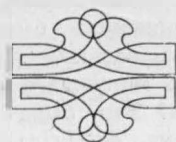
— Поѣдѣте,—согласилась красавица и загадочно улыбнулась.

Семенъ Ивановичъ чуть-чуть покраснѣлъ. Минутку помолчали — ну-съ такъ, значитъ увидимся! Я побѣгу еще потолкаться, надо кое-кого повидать. Семенъ Ивановичъ пожалъ маленькую изящную ручку и метнулся въ сторону.

— А, кабатчику мое почтеніе! привѣтствовалъ его подвыпившій актеръ, становясь на дорогѣ — здравствуй, Сема, какъ живъ здоровъ? Какимъ товаромъ промышляешь?

Группа актеровъ, почуявъ скандалъ, на минутку остановилась и окружила встрѣтившихся, но Семенъ Ивановичъ не обратилъ вниманія, какъ будто ничего не слышалъ и только покраснѣвъ до корней волосъ, смѣшался съ толпой.

П. А.

АКТЕРСКАЯ СЕМЬЯ*).

II.

Въ первой главѣ я оговорился, замѣтивъ, что первую форму брака (мужъ-артистъ) можно считать болѣе прочной, чѣмъ вторую (жена-актриса). Это можетъ показаться страннымъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ сталкиваются два враждебныхъ міра. Казалось бы, что шансы на прочность и долговѣчность союзовъ въ обоихъ случаяхъ одинаковы. Но есть, однако, одно побочное обстоятельство, съ которымъ необходимо считаться. Сценическіе дѣятели, по самому роду своихъ занятій, принуждены вести кочевой образъ жизни, т. е. ежегодно, а то и по нѣскольку разъ въ годъ переѣзжать изъ одного города въ другой. Въ этомъ заключается даже нѣкоторая прелесть сценической карьеры. Если одинъ изъ членовъ семьи сценическихъ дѣятелей, а другой не принадлежитъ, то кому нибудь приходится покинуть свою «ордиту» и слѣдовать за другимъ. Когда этотъ «другой» — жена, то въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, ибо — такъ ужъ изстари водится — жена должна «состоять при мужѣ», быть его, такъ сказать, придаткомъ. Но совсѣмъ другое дѣло, когда мужъ состоитъ при женѣ и числится только «супругомъ г-жи N». Приходится поступиться своимъ самолюбіемъ, ибо «супругъ г-жи N» до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ мужемъ актрисы, имѣлъ болѣе опредѣленное положеніе, котораго онъ лишился, переходя на роль безгласнаго адъютанта, а иногда и пользуясь ея заработкомъ. Въ этомъ много тяжелаго и унижительнаго. Вотъ почему большинство предпочитаетъ лучше разстаться съ женой. Прошло полгода — они увидѣлись, чтобы черезъ мѣсяцъ — два опять разстаться и т. д. При такой жизни неминуемо должны явиться сначала нѣкоторая отчужденность, потомъ — охлажденіе, а затѣмъ и увлеченіе. Семья такимъ образомъ разрушилась.

*) См. „Сц. и Жизнь“ № 9, 10, 11 и 12.

*) См. № 11 журн. „Сцена и Жизнь“.

Счастливые семьи в театральной среде можно встретить только тогда, когда обе стороны принадлежат к сценическому миру. В этих случаях нередко можно встретить образцы самой возвышенной любви и привязанности. Особенности сценического быта, которые так шокируют человека иной среды, составляют основу жизни для обеих сторон, и не могут служить причиной семейного разлада.

Но и эти союзы не отличаются особой долговечностью, и вот почему.

Каждая деятельность кладет на человека своеобразную отпечаток, тем более сценическая. Она неизбежно влияет на характер. Артисту приходится употреблять излюбленное теперь слово «перевоплощаться» и убеждать зрителей в том, что сегодня он совсем не такой, каким был вчера; сегодня он сжигает то, чему поклонялся вчера. Иначе говоря, он каждый день настраивает себя на иной лад. И это «настраивание» в конце концов непременно отразится на его харак-

тере: жизнь порывами сдвигается для него необходимостью. Зато несомненно, что нервозность и впечатлительность у сценического деятеля доведена до таких размеров; каких она редко может достигнуть у обыкновенного человека. Между тем можно считать несомненным фактом, что страстность (в данном случае равнозначная любви) у нервных людей выигрывает в напряженности, но проигрывает в силе, т. е. любовь нервных людей дает им больше наслаждений, но отличается кратковременностью. Эта кратковременность напряженного чувства вырабатывает особую снисходительность морали и разрушительная работа происходит с разных сторон: семью точит страсть; страсть упраздняет долг; слабость долга узаконяет страсть и т. д.—в одном и том же заколованном кругу.

Когда говоришь о нравственном и безнравственном, всегда следует иметь в виду «эволюцию» нравственного начала. Я думаю, что в странах полярного холода

величайшей добродетелью, т. е. обязанностью является согреть озябшего, в странах тропической жары—напоить жаждущего. Ибо в корне всякого нравственного принципа всегда можно проследить безотлагательную необходимость. Самонужнейшее есть первоисточник нравственного, ибо нравственность, в широком смысле этого слова, есть отвлеченная перифраза консервативного начала жизни. Самонужнейшее в артистической среде не есть, во всяком случае, прочная основа семьи, и мораль касты немедленно отразила второстепенность этого в снисходительном отношении к нарушению брачного союза. С другой стороны эта снисходительность, порожденная органическими обстоятельствами артистической деятельности, сама стала силой соблазна и разрушения. Инстинкт немедленно находит себе оправдание, что это «не суть важно»... И тут уже устоять действительно трудно.

Вл. Линский.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБЪ УПАДКЪ ОПЕРЫ.

(Окончание).

Приведенный пример красноречивее всяких других фактов говорит нам за то, что, если бы наши композиторы придерживались принципов мелодических начал в опере, интерес к ней никогда не умер бы. Я, по крайней мере, убежден, что большинство из современных композиторов в глубине души разделяют этот взгляд. Но, как я сказал выше, идея ядра творчества в любой отрасли искусства приносится в жертву форм не по воле художника. В этом виновата эпоха. Идей в опере, ее суть и основой всегда была мелодия. Но, что же делать, когда творить мелодию никто теперь не в состоянии, когда этот плод чистого вдохновения куда-то исчез и никто не может его найти. Поневоле приходится напирать на совершенство формы, на разные ухищрения, на искания каких-то неведомых путей. Но в общем все это очень сухо, пахнет ученостью, педантизмом и душью обыкновенного слушателя не на чем отдохнуть.

— Но как же с реализмом,—спросить любящий последовательность читатель.—Вид несоответствие реализма муз. драмы нашему пониманию реализма вы назвали основной причиной упадка оперы.

— Да, отвечу я, несоответствие всегда будет. Но лирический элемент, т. е. мелодия всегда заставит его забыть. Тогда, как слушая оперу, претендующую целиком на реализм, в которой мелодический элемент совершенно отсутствует, вы все время чувствуете какую-то неестественность, ходульность и аномалию. Впрочем, к подробной разработке этой темы я надеюсь еще вернуться в ближайшем будущем. Теперь мы поговорим о сценических деятелях, являющихся, по моему тоже одним из главных факторов, способствующих упадку оперы.

Жанр, пришедший в состояние неподвижности и застоя, на мой взгляд, может долго еще сохраниться и не потерять интереса, когда бережно относятся к его прошлому, когда чтят его традиции, когда заветы, которые, умирая оставили последующим поколениям его первые творцы—корифеи, считаются чем-то священным и

незыблемым. Посмотрим же, как относятся ко всему этому наши современные жрецы оперного искусства.

Говоря о мелодических началах в опере и лишь относящуюся к этой категории называя настоящей оперой, мы естественно должны признать священными те заветы и традиции, которые оставили нам старые итальянские мастера, до Верди включительно. Эти традиции в опере первым долгом относятся к главной ее основе,— а именно к пению. Отсюда понятно, какие требования упомянутые корифеи предъявляли всегда к певцу-исполнителю. От него требовали, помимо голоса, большое художественное чутье, умение проникнуть в замыслы автора. От него требовали, чтобы он был поэтом звука; он должен был уметь музыкальной фразой создавать в уме слушателя целую картину. От него требовали тембра, это зеркало музыкальной души певца. Даниелети, Беллини и др. виртуозы находили, что без чарующего тембра голоса нечего браться за исполнение главных партий их произведений. От артиста требовался темперамент, умение увлечь и порой потрясти слушателя. И когда всеми этими качествами обладали оперные певцы, интерес к опере действительно рос не по дням а по часам, пуская корни все глубже и глубже в сознание массы, воспитывая и безусловно облагораживая ее вкусы и нравы. Что же мы видим теперь? Везде, не только у нас в России, но и в Германии, Франции и даже в самой Италии наблюдается полное вырождение настоящих певцов. Если не считать несколько звезд—и то уже значительно блекнувших—на сценическом горизонте, все остальное, что-то безцветное, бездарное, могущее быть на своем месте, пожалуй, на каком-нибудь поприще, но, во всяком случае, не в опере. Возьмем на этот раз хотя бы нашу Россию. Куда делась эта славная плеяда истинных певцов во главе с М. Е. Медведьевым, Михайловым, Черновым и Рядневым, поднявших было наше оперное искусство в восьмидесятых и девяностых годах минувшего столетия до небывалой высоты? Это была целая школа. Родоначальником ее был безусловно генеральный актер и певец тенор М. Е. Медведьев. Но где же их подражатели? Куда делись традиции этой школы, ее пути

и приемы в области вокального искусства? Вот вопрос, на который я всегда тщетно ищу ответа.

Я еще вот в чем вижу причину страшного упадка оперы. Само понятие об оперном пении, самый культ служения этому жанру опошлили в наши дни до последней степени. Когда-то, во время владычества на оперной сцене упомянутой выше славной плеяды настоящих певцов, туда поступали люди призвания, люди, чувствовавшие в себе искру таланта. Одного голоса мало было для того, чтобы претендовать на звание оперного артиста. С одним лишь голосом люди пели в хорах, капеллах и об оперной сцене и мечтать не смели. В наши же дни—(тут мне поневоле приходится высказать то, что я уже однажды сказал на страницах другого журнала) кто только не идет в оперу? Всякий, кто может крикнуть громко! Никто не хочет знать, что голос в сущности, такая же принадлежность человеческого организма, как и другие органы и может быть—больших и малых размеров также, как напр. голова или нос. Но точно также как глупо было бы требовать от каждой «большой» головы, чтобы она была способна на высокое мышление,—в такой же степени смешно требовать от каждого большого голоса, чтобы он «пел», чтобы он был выразителем сокровенных дум, поэзии души и сердца. Этого никто не хочет знать. Теперь, кто имеет какой-либо голосовый дар, безразлично какого бы они были качества, силы и, главное, тембра—идет в оперу и в глупом самообольщении думает, что опера—его стихия. Никогда оперные подмостки не заполняли такой контингент неразвитых, неинтеллигентных, порою даже малограмотных людей, как в наши дни. И это опять-таки потому, что на оперную сцену хлынули теперь хористы, шантанье певцы и прочий сброд, полагающий, что развитие и образование для певца всегда совершенно лишняя.

Большое зло приносят также расплывшиеся в последнее время в таком громадном количестве, так называемые «профессора» пения.

С. Генз.

МАЛОРОССЫ.

25 марта въ театрѣ „Пассажъ“ соединенными труппами О. З. Сулова и А. Л. Суходольскаго была поставлена въ первый разъ извѣстная драма Л. Н. Толстого „Власть тьмы“ („Воля темрявы“), переведенная на малороссійскій языкъ А. Л. Суходольскимъ.

Этотъ переводъ можно считать безусловно цѣннымъ вкладомъ въ малороссійскую литературу.

Изъ исполнителей сильно выдѣлился своей высоко-художественной игрой А. Л. Суходольскій (Якимъ), особенно въ сценѣ съ сыномъ въ III актѣ; изъ остальныхъ заслуживаютъ вниманія Г. Оршановъ (Микита), г-жа Дикова (Ульяна) и г. Дзбановскій (Мытровичъ).

Общее впечатлѣніе очень хорошее.

Танцоры и танцорки вызвали долгіе и несмолкаемые аплодисменты.

Театръ былъ полонъ. А. Лецкий.

ЭКЗАМЕНАЦІОННЫЙ СПЕКТАКЛЬ.

Седьмой экзаменаціонный спектакль Императорскихъ драматическихъ курсовъ класса Ю. Э. Озаровскаго прошелъ крайне слабо. Неудачно выбранная пьеса — драма Фостр-эри „Ужасъ жизни“, въ которой экзаменовались г-жа Варяжская и гг. Ставрогинъ и Линовскій не давали молодымъ артистамъ возможности показать свои сценическія способности. Напрасно старалась г-жа Варяжская дать жизненно-правдивый обликъ ходячей Анинѣ, всѣ ея старанія разбились о несостоятельность автора. Не болѣе удаченъ былъ и г. Ставрогинъ въ роли молодого изобрѣтателя Андреа и лишь одинъ г. Линовскій создалъ недурную фигуру въ роли ростовщика Тануетти.

„Утро жениха“ Шнитцлера требуетъ опытныхъ исполнителей, чтобы произвести должное впечатлѣніе, но все же въ игрѣ г-жи Кирсановой, экзаменовавшейся въ этой пьесѣ, встрѣчались недурные моменты, хотя ея Илона и не была совсѣмъ такой, какой ее создалъ талантливый авторъ; гг. Волковъ (Максъ) и Ставрогинъ (Анатолий) старались дать типъ свѣтскихъ прожигателей жизни,

что имъ отчасти и удалось. Надо надѣяться, что хоть для послѣдняго спектакля г. Озаровскій покажетъ своихъ учениковъ въ хорошей, доступной начинающимся артистамъ пьесѣ. Б—нъ.

— Симфоническіе концерты Шредера съ будущаго сезона прекратятся, такъ какъ 8 концертовъ втораго сезона принесли до 15 тысячъ рублей убытка.

— При театральномъ клубѣ организуется касса взаимопомощи дѣйствительныхъ членовъ клуба.

— Г-жѣ Пасхаловой на 3 и 4 апрѣля сданъ Херсонскій городской театръ для гастрольныхъ спектаклей.

— Однимъ изъ очередныхъ режиссеровъ приглашенъ на зимній сезонъ въ театръ Комиссаржевской артистъ Неволинъ.

— Въ будущемъ сезонѣ режиссерами театра Литературно-Художественнаго общества приглашены: гг. Арбатовъ, Глаголинъ и Гловацкій и подписаны контракты съ артистками Кировой и Тенишевой.

— Въ Москвѣ, по примѣру Петербурга, введены абонементы на балетные спектакли.

— Балетное отдѣленіе театральной школы въ Москвѣ, по слухамъ, будетъ закрыто съ 1912 года, но балетъ будетъ пополняться питомцами петербургской школы.

— Въ концѣ мая начнутся въ Парижѣ въ „Большой оперѣ“ гастролы нашей балерины М. Ф. Кшесинской.

— Въ „Новомъ Театрѣ“ прошла съ успѣхомъ удостоенная почетнаго отзыва на конкурсѣ имени А. Н. Островскаго пьеса нашего сотрудника П. П. Вейнберга „Разгадка ночи“, затрагивающая современныя злобы дня.

— Записи билетовъ на спектакли московскаго художественнаго театра идутъ очень бойко; на первые пять абонементовъ

билеты почти всѣ распроданы, за исключеніемъ нѣсколькихъ ложъ; на 6 и 7-й абонементы дешевые билеты тоже распроданы.

— Какъ намъ сообщаютъ изъ окончившихъ въ нынѣшнемъ году учениковъ петербургской театральной школы получили ангажементъ на московской театральной биржѣ только г-жа Вертеръ и г. Рустумовъ.

— Запрещеніе карточной игры такъ отразилось на бюджетѣ Московскаго Литературно-художественнаго кружка, что кружку угрожаетъ крахъ, если не будутъ приняты какія-либо мѣры къ сокращенію расходовъ. Въ числѣ такихъ мѣръ, прежде всего, называютъ переѣздъ въ болѣе скромное помѣщеніе.

— 23 апрѣля въ лѣтнемъ театрѣ „Буффъ“ послѣдуетъ открытіе сезона; приглашена, между прочимъ, г-жа Капланъ, которая весь зимній сезонъ успѣхомъ почти не пользовалась ни въ Киевѣ, ни въ Одессѣ. Постомъ въ Москвѣ пробовали замѣнить изящную и талантливую г-жу Шувалову г-жей Капланъ, но проба, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась неудачной, — особенно это чувствовалось въ передачѣ Франци въ „Вихрѣ вальса“ и Мессалинеты въ „Максимистахъ“. Итакъ г. Тумпакова съ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ лицѣ г-жи Капланъ поздравить не приходится.

— На Святой друзьями и почитателями М. А. Гольденблюма предполагается чествованіе по поводу 25-лѣтія его музыкальной дѣятельности.

— 1, 2 и 4 апрѣля съ благотворительной цѣлью состоятся концерты придворнаго оркестра подъ управленіемъ Артура Никиша, посвященные памяти Вагнера.

— 21 апрѣля въ Александринскомъ театрѣ назначенъ бенефисъ въ пользу скромныхъ и незамѣтныхъ тружениковъ сцены: суфлеровъ и помощниковъ режиссеровъ. Пойдутъ новинки: „Презрѣніе къ женщинамъ“, „Заратустра“ и „Фантазія“. Этимъ спектаклемъ также заканчивается и сезонъ на казенныхъ сценахъ.

— На оперные спектакли С. Дягилева въ Парижъ изъ Москвы въ концѣ апрѣля выѣзжаетъ группа хористовъ Большого театра въ количествѣ 80 человекъ.

— Уходя завѣдующаго репертуаромъ московскаго Малаго театра г. Нелидова, перешедшаго на службу въ Художественный театръ, мотивированъ имъ въ письмѣ дирекціи тѣмъ, что онъ не считаетъ возможнымъ получать высокій окладъ жалованья за ту незначительную работу, которая ему была поручена дирекціей Малаго театра.

— О. И. Шаляпинъ возвратится изъ заграницы въ Москву въ серединѣ іюля. Въ настоящее время онъ поетъ въ различныхъ городахъ Западной Европы.

— Съ осенняго сезона сцена Маринскаго театра обогатится новымъ драматическимъ сопрано—г-жей Е. Н. Николаевой, которая гринята послѣ частнаго испытанія 29-го февраля съ окладомъ 3.600 руб. Проба голоса происходила въ присутствіи гг. Теляковского, Направника, Чайковского, Жуковского и др., послѣ какового тотчасъ съ нею былъ заключенъ контрактъ. Выступаетъ г-жа Николаева въ операхъ «Пиковая дама», «Аида» и «Мефистофель», по слухамъ, для нея также будетъ поставлена «Орлеанская дѣва».

Надняхъ г-жа Николаева уѣхала въ Парижъ для окончательной подготовки къ сценѣ.

— Новинки будущаго сезона въ Александринскомъ театрѣ будутъ «Марья Ивановна» Чирикова и «Снѣгъ» Пшебышевскаго.

— Пьеса А. И. Куприна «На покое» изъ всѣхъ новинокъ текущаго сезона казенной сцены даетъ самые худшіе сборы.

Какъ курьезъ можно отмѣтить, что дѣдушку играетъ В. Н. Давыдовъ.

Согласно же ремаркѣ Куприна, дѣдушка долженъ быть съ высохшимъ лицомъ, какъ на образахъ...

— Въ Гельсингфорсѣ труппой Народнаго Дома данъ постомъ рядъ спектаклей, въ которыхъ участвовала пѣвица г-жа Орель, которая имѣла успѣхъ, главнымъ образомъ, въ «Фаустѣ», «Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людмилъ».

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

(Отъ собственного корреспондента).

— THEATRE DES ARTS, 100-е представление. Le grand soir. Пьеса въ трехъ актахъ Леопольда Кампфа, переводъ Robert'a Humieres.

Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ, какъ даетъ полные сборы, въ кокетливомъ театрѣ «des Arts» въ Парижѣ, на бульварѣ «des Batignolles» пьеса, изъ жизни русскихъ революціонеровъ «Le grand soir».

Театръ Режанъ. Г-жа Режанъ впервые поставила на сценѣ своего театра, на французскомъ языкѣ «Ревизоръ» Гоголя.

Пьесъ предшествовалъ рефератъ, заключавшійся въ объясненіи пьесы.

Референтомъ выступила сама г-жа Режанъ. Роли городничаго и Хлестакова были исполнены артистами Duquesne и Signoret.

Пьеса имѣла успѣхъ и была два раза повторена.

Театръ Сара Бернаръ. Г-жа Сара Бернаръ рѣшила поставить въ своемъ театрѣ «Фауста», Гете, приспособленнаго для французской сцены г. Henry Bataille, причемъ сама хотѣла играть Мефистофеля.

Прорепетировавъ двѣ недѣли и затративъ болѣе 50.000 франковъ на обстановку, она не оставшись довольной своей ролью, отмѣнила пьесу, заплативъ автору громадную неустойку.

Ходятъ слухи что все-таки Фаустъ у нея пойдетъ, но не въ передѣлкѣ г. Bataille, а г. Едмонда Ростана, автора пьесы «Орленокъ», при чемъ сама будетъ играть Фауста.

Пока г-жа Сара Бернаръ ставить «Даму съ каменіями» попеременно съ «Орленкомъ», играя въ первой пьесѣ «Маргариту Готье» а во второй «Герцога Рейхштадтскаго».

Несмотря на свои пожилые годы, неувядаемая Сара, довольно удачно справляется съ обѣими ролями.

— **Театръ комической оперы.** Готовится къ постановкѣ въ комической оперѣ «Снѣгурочка», опера г. Римскаго-Корсакова, приспособленная для французской сцены, г-жей Полинъ Гальперинъ и г. Льеръ Лало, причемъ главную партію будетъ пѣть г-жа Маргеритъ Карре.

Маргеритъ Карре урожденная русская и пользуется въ Парижѣ успѣхомъ.

Объявлены три гастролы г-жи Фелии Литвинъ, которая выступитъ въ главной роли, въ оперѣ «Alceste», которая является послѣднимъ произведеніемъ композитора Глюка.

— **Театръ La Gaité.** Братья Изола, директора театра «La Gaité» превратили послѣдній изъ опереточнаго въ общедоступный оперный.

Въ составъ труппы входятъ артисты и артистки Парижскихъ Большой и Комической оперъ.

Спектакли даются по общедоступнымъ цѣнамъ.

— **Театръ Олимпія.** На дняхъ состоялся послѣдній спектакль американской оперетты «Le prince de Pilsen». Оперетта имѣла большой успѣхъ и выдержала болѣе 200 представлений.

Paris.

B. Steinberg.

Литература и писатели.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ...

24 марта исполнилось 20-лѣтіе со дня смерти В. М. Гаршина.

Среди нарядно-пестрой, кичливой, само-рекламирующей и влюбленной въ себя небольшой кучки «избранныхъ», «иммортелей» будущей русской Академіи Безсмертныхъ, называющихъ себя писателями земли русской,—вспоминается это воодушевленное и нервное лицо съ большими печальными глазами, въ которыхъ горѣла страстная великая любовь къ человѣчеству, къ его страданіямъ и грѣхамъ, въ видѣ того «краснаго цвѣтка», который необходимо сорвать, спрятать его у себя на груди, чтобы весь ядъ, весь ужасъ и безуміе этого цвѣтка перешелъ на грудь сорвавшаго, чтобы тѣмъ самымъ спасти человѣчество, вырвать его изъ власти этого отвратительно красиваго «краснаго цвѣтка», ибо «зло міра» въ красномъ цвѣткѣ...

Таковъ былъ обаятельный образъ писателя-восьмидесятника В. М. Гаршина въ его душевныхъ переживаніяхъ, въ его творческой фантазіи, которая дала намъ рядъ «героевъ долга», героевъ страдающихъ, жертвующихъ собой и погибающихъ за весь міръ, за все человѣчество...

И онъ самъ, этотъ болѣзненно-чуткій писатель, этотъ «психопатъ», какъ можетъ быть, назовутъ его всѣ эти новые: Каменскіе, Кузьмины, Арцыбашевы и ихъ присоски, по остроумному замѣчанію одного изъ журналистовъ,—не выдержавъ всеобщей боли и воплей и удушливаго дурмана, заключающагося въ «красномъ цвѣткѣ», взрожденномъ на тукѣ жизни, кончилъ свою жизнь такъ трагически, такъ протестующе—самоубійствомъ...

Скромная тризна... А рядомъ самодовольство санинцевъ, упивающихся кровосмѣсительной любовью!..

Память писателя, и пустынный залъ, съ двумя-тремя десятками наивныхъ слушателей!!

Что намъ В. М. Гаршинъ? Кто онъ такой?

«Куранты любви», бальмонтовщина, Городецкіе, Рукавишниковы, Каменскіе, «вечеръ смѣха» въ Калашниковской биржѣ, гдѣ новая поэзія, въ ликующемъ хохотѣ плоти, переплетается красизымы, узорными и бессмысленными стихами,—вотъ куда те перъ идетъ и старъ и младъ, и бездарный и талантливый, глупый и умный, вотъ что отмѣчаетъ на своихъ огромныхъ листахъ столичная пресса...

Новые кумиры, съ которыхъ скоро слѣзетъ эта яркая позолота, этотъ мишурный блескъ безстыдства, пока еще стоятъ на своихъ шатающихся пьедесталахъ, пока еще властвуютъ надъ загипнотизированной зеленой молодежью и надъ старчески-дряблой толпой слѣпорожденныхъ и уродовъ.

Новые кумиры, самоупивающіеся своей славой, своимъ оголеніемъ,—не чувствуете ли вы, что ваши пьедесталы были самыми обыкновенными деревянными подмостками, подвергающимися гнили и плѣсени? Не слышите ли вы, какъ трясутся эти наскоро сколоченныя театральныя плахи.

Вы разобьетесь вдребезги при малѣйшей катастрофѣ и отъ васъ не останется даже запаха, новые кумиры!..

Спѣшите сойти со своихъ пьедесталовъ... Крѣпостное право дало намъ «кающихся» дворянъ послѣ раскрѣпощенія, а раскрѣпощенная литература дастъ кающихся литераторовъ.

Кающіеся писатели?! Но тогда будетъ поздно.

М. Поповъ.

— Съ 1 января по 29 февраля привлечено къ судебной отвѣтственности редакторъ оппозиціонной періодич. печати: въ янв.—16, въ февр.—12.

Приостановлено администраціей оппозиціонныхъ газетъ и еженедѣльниковъ: въ янв.—18, въ февр.—6; судомъ приостановлено: въ январѣ—2, въ февралѣ—2 органа печати.

На основаніи циркуляровъ 3 іюня 1907 г. о «восхваленіи преступленій» и др. въ административномъ порядкѣ оштрафовано редакторъ оппозиц. періодич. изданій: въ янв.—38 ред., на сумму—24.100 руб.; въ февралѣ—15 ред., на сумму—9.300 рублей.

— На 22 апрѣля с. г. въ Спб. окружномъ судѣ назначено къ слушанію дѣло по обвиненію писателя, отставного поручика А. И. Куприна по п. 13 ст. 5 Отд. VIII Врем. Прав. 24 ноября 1905 г. за распространеніе въ печати ложныхъ свѣдѣній.

А. И. Купринъ былъ командированъ редакціей газеты «Наша Жизнь» въ качествѣ спеціальнаго корреспондента этой газеты въ г. Севастополь въ 1905 г., когда тамъ происходилъ извѣстный мятежъ въ части Черноморской эскадры.

Между прочимъ, въ одной изъ своихъ корреспонденцій, появившейся въ газетѣ «Наша Жизнь» 1 декабря 1905 г., А. И. Купринъ писалъ, что главный командиръ Черноморскаго флота, при усмирении бунта эскадры, устроилъ «костеръ изъ человѣческаго мяса» и не только не принялъ мѣры къ спасенію команды загорѣвшаго мятежнаго крейсера «Очаковъ», но даже воспрепятствовалъ чрезъ подчиненныхъ ему военныхъ чиновъ оказанію помощи погибавшимъ во время пожара людямъ. Означенное сообщеніе и послужило главнымъ поводомъ къ привлеченію А. И. Куприна къ отвѣтственности, такъ какъ сообщеніе это не нашло подтвержденія при официальномъ разслѣдованіи сообщаемого факта.

— М. Горькій недавно былъ въ Римѣ и велъ бесѣду съ однимъ изъ представителей прессы. Въ бесѣдѣ Горькій передалъ, что поѣздка его въ Японію рѣшена. Необходимо только закончить литературныя заботы, а потомъ можно и въ путь. Цѣлью моей поѣздки является желаніе изучить страну «Восходящаго Солнца». Въ Японіи теперь много русскихъ, которые ему помогутъ узнать эту удивительную страну. Политическихъ тенденцій я не преслѣдую, поѣздка мое личное дѣло и обвиненій въ томъ, что я ѣду туда съ политической цѣлью я не боюсь. На вопросъ корреспондента, приметъ ли онъ участіе въ предстоящемъ юбилейномъ торжествѣ Л. Н. Толстого, М. Горькій отвѣтилъ, что онъ, какъ знакомый маститаго юбиляра, поздравитъ его письмомъ, прибавивъ, что онъ, конечно, будетъ гордиться этимъ торжественнымъ для русской литературы днемъ юбилейныхъ празднествъ великаго яснополянскаго старца.

— Лекція К. И. Чуковского о «Царь-Голодѣ» Л. Андреева, прочитанная имъ въ залѣ Калашниковской биржи 22 с. марта, имѣла крупный успѣхъ среди слушателей. Лекторъ въ своей лекціи выдвинулъ оригинальную оцѣнку «властиителя современныхъ думъ» и его произведеній — это преувеличенную злободневность и постоянное стремленіе автора къ оголенію человѣка; въ такомъ его видѣ онъ всегда и показываетъ своихъ героевъ. Настоящихъ людей, крѣпкихъ вѣрой, мощью, характеромъ, онъ не видитъ, ему «мерещатся рожи, рожи и рожи». Таковъ онъ и въ своей послѣдней пьесѣ «Царь-Голодъ»...

— День 25-лѣтія смерти И. С. Тургенева—23 августа — будетъ днемъ юбилейныхъ торжествъ въ честь нашего романиста. Во главѣ организаціи этихъ чествованій будетъ стоять маститый М. М. Стасюлевичъ, присутствовавшій при его смерти и въ настоящее время завѣдующій его могилой.

— Тургеневскій вечеръ въ театральномъ клубѣ по случаю исполняющагося въ августѣ 25-лѣтія со дня его смерти прошелъ 24 марта с. г. съ успѣхомъ. Въ литературной части принимали участіе художникъ И. Е. Рѣпинъ—читалъ личныя воспоминанія, Н. Н. Ходотовъ декламировалъ стихотвореніе «Нимфы» подъ аккомпаниментъ автора Вильбушевича. Въ вечерѣ участвовали также В. П. Далматовъ, С. А. Андреевскій, С. П. Семеновъ.

Устроены были шумныя оваціи Л. Н. Андрееву и А. Л. Волинскому. Вокально-музыкальная часть не состоялась за неприбытіемъ исполнителей.

— Пьеса Осипа Дымова «Каждый день», поставленная въ Берлинѣ, вызвала различныя сужденія въ критическихъ кругахъ; большинство театральныхъ критиковъ находятъ въ Дымовѣ своеобразный драматическій талантъ, который отрицаютъ противники другого лагеря. Такъ или иначе, пьеса эта имѣла успѣхъ; русская колонія чествовала автора шумными оваціями и поднесла ему два роскошныхъ вѣнка.

— М. А. Стаховичъ доложилъ письмо къ нему Льва Николаевича Толстого объ отказѣ отъ предстоящихъ по случаю 80-лѣтія со дня рожденія чествованій, къ которымъ готовится московскій комитетъ, въ виду чего предсѣдатель послѣдняго М. М. Ковалевскій сложилъ съ себя обязанность по предсѣдательствованію.

— Всероссійскій съѣздъ представителей печати, возбужденный въ связи съ 80-лѣтіемъ со дня рожденія Л. Н. Толстого, разрѣшенъ на 30 марта въ Спб.

— Лекція Ивана Рукавишникова: «Искусство-религія», прочтенная имъ въ театральномъ клубѣ, успѣха не имѣла.

— Въ настоящее время въ Петербургѣ гоститъ В. Г. Короленко. В. Г. заканчиваетъ разборъ матеріаловъ о своихъ воспоминаніяхъ.

— А. Елизаровъ перевелъ пьесу Анри Бернаштейна «Тихая пристань».

— К. Острожскій написалъ одноактный этюдъ «Репетиція».

— Е. Безпатовъ закончилъ «Сказку о добромъ драконѣ».

— Г. ж. Мельницкая представила въ цензурный комитетъ пьесу — «Мужъ-любовникъ».

— Писатель В. А. Рышковъ написалъ пьесу «Казенная квартира», въ 4 д.

— Говорятъ, А. И. Купринъ написалъ новый рассказъ, трактующій, какъ пьяный офицеръ устроилъ дебошъ на еврейской свадьбѣ въ глухой провинціи.

— О. К. Сологубъ заканчиваетъ пьесу, тема которой взята изъ народной пѣсни о «Ванькѣ-Ключникѣ».

— Л. Н. Андреевъ работаетъ надъ разсказомъ: «Семь повѣшенныхъ».

Сюжетомъ разсказа является смертная казнь и переживанія приговоренныхъ.

— Въ мартовской книгѣ. «Русской Мысли», въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣщены: повѣсть О. Дымова, разсказы М. Первухина, П. Булыгина и Карменъ, стихотворенія В. Стражева, Г. Вяткина и С. Пинуса.

— Вышелъ четвертый «Альманахъ» изд. «Шиповникъ», редактируемый Леонидомъ Андреевымъ, который далъ для этого выпуска вариантъ 5-й картины «Жизни Человѣка» (Смерть Человѣка).

Въ этомъ же смыслѣ напечатаны: «Похожденія Леона Дрея», Семена Юшкевича, повѣсть Бор. Зайцева «Аграфена», поэма Валерія Брюсова «Исполненное желаніе» и стихотворенія Ал. Блока «Клеопатра» и «Ты и я».

— М. М. Ивановъ перевелъ съ итальянскаго комедію Р. Симони въ 3-хъ актахъ «Вдова».

— Драматургъ Фальковский пишетъ романъ «Моя вѣра».

— Вдова Аверкіева предпринимаетъ ходатайство о разрѣшеніи къ представленію «Петра Великаго», написаннаго покойнымъ мужемъ.

— Срокъ конкурса историческихъ пьесъ изъ русской жизни XVIII ст., учрежденнаго дирекціей Литературно-Художественнаго общества, истекаетъ 15 августа с. г. Пьесы должны быть написаны на сюжетъ какого-либо историческаго событія, не менѣе 4-хъ актовъ; преміи въ 1000 и 500 р., причемъ премированныя пьесы поступаютъ въ репертуаръ Малаго театра, съ отчисленіемъ 10% съ валового сбора въ гонораръ автора. Пьесы слѣдуетъ направлять подъ девизами въ адресъ: Спб., Эртелевъ пер., д. № 6. А. С. Суворину.

— Группа еврейскихъ писателей задалась цѣлью созвать въ текущемъ году международную конференцію по еврейскому языку.

Возстановленіе рецензентской чести.

Н. Зелинская, ученица Императорскихъ драматическихъ курсовъ, по поводу задачи Н. Шебуева:

Дано одною богатенькою (не талантомъ, а талантами) ученицею драматической школы сто рублей рецензенту одной газеты, обязавшемуся ее разрекламировать. Рецензентъ сгоряча похвалилъ ее въ пьесѣ, въ которой она не участвовала.

Спрашивается:

Имѣетъ ли право ученица получить отъ рецензента цѣликомъ всѣ сто рублей, а если часть, то какую именно.

Заявляетъ:

«Я лично никакого права на полученіе обратно какихъ бы то ни было денегъ отъ завравшагося рецензента за собою не признаю. такъ какъ никакихъ денегъ ему не давала. Г. Шебуевъ смѣшалъ два слуха или два случая въ одинъ. Г. Брешко-Брешковский еще цѣлую недѣлю предъ спектаклемъ (въ которомъ я не участвовала) усердно рекламировалъ дѣйствительно «богатенькую» и заботливую ученицу г-жу В., участвовавшую въ спектаклѣ. Меня же, не участвовавшую въ спектаклѣ и не «богатенькую», г. Брешко-Брешковский, очевидно, похвалилъ «для пущей вѣроятности».

Н. Шебуевъ приноситъ повинную:

«Въ своей шуткѣ я не касался никакихъ личностей, касался «нравовъ» вообще и не затрагивалъ никакихъ инцидентовъ или слуховъ въ частности».

== ПО РОССИИ. ==

Казань. Съ 8 марта начались спектакли драматического товарищества подъ главной режиссурой Е. Ф. Боура.

Приятно отмѣтить, что первымъ спектаклемъ шелъ А. Н. Островскій съ его пьесой „Бѣшенныя деньги“. Почему приятно?

За послѣднее время, въ погоню за бездарными болѣе чѣмъ на половину новинками, театръ, созданный А. Н. Островскимъ, на пьесахъ котораго воспиталась и публика, и артисты, начинаетъ забывать творца русскаго театра и только въ рѣдкихъ случаяхъ въ бенефисные дни ставятся пьесы Островскаго. Провинціальныя театры считаютъ Островскаго заиграннымъ, главнымъ образомъ, любителями и боятся, что пьеса не сдѣлаетъ сбора.

И ставятъ какого-нибудь „Шерлока Холмса“, „Русскихъ Аргонавтовъ“ и прочую дребедень, наполняющую театральныя рынокъ.

Вотъ почему я привѣтствую выборъ пьесы товариществомъ гостящихъ у насъ артистовъ...

Значить, это серьезныя сценическія труженики, а не шайка именующихъ себя артистами лицедѣевъ, у которыхъ на первомъ планѣ не искусство, а дешевый матеріальный успѣхъ...

Судить по первому впечатлѣнію о силахъ труппы немного преждевременно, но, какъ показалъ этотъ спектакль, въ товариществѣ имѣются серьезныя силы.

Такъ, роль Лидіи Чебоксаровой очень умно проведена была артисткой Ильнарской, которая играла эту легкомысленную особу съ кокетливой граціей и изяществомъ.

Хотя Федорову-Никольскому и не удалось создать типа фата-хлыща Телятьева, но, видимо, артистъ обладаетъ всѣми данными сдѣлаться большой полезностью въ труппѣ.

Андреева-Любавина въ роли матери Чебоксаровой показала хорошую игру и знаніе сцены.

Не портилъ впечатлѣнія и Яковлевъ-Востоковъ, выступившій въ роли Васильева, подкупая зрителей своимъ красивымъ груднымъ голосомъ и мастерской дикціей. Боуръ былъ великолѣпный Кучумовъ.

Какъ намъ удалось узнать, товарищество намѣрено держаться репертуара бытовыхъ пьесъ и въ дальнѣйшей своей дѣятельности, избѣгая пьесъ въ стилѣ модернъ, требующихъ и „новыхъ“ актеровъ, и „новыхъ“ Мейерхольдовъ съ ихъ режиссерской палочкой.

Азъ.

Николаевъ. Въ театрахъ Шеффера идетъ постомъ оперетта, обставленная серьезными музыкальными силами: Чаровъ, Рѣзникова, Дмитріевъ и др., г-жи: Зброжекъ-Пашковская, Вольская, Гэзи-Дорнъ, Гамалей и др. Съ успѣхомъ прошли: „Гейша“, „Прекрасная

Елена“, „Веселая вдова“, — послѣдняя сдѣлала подрядъ два сбора.

Въ „Гейшѣ“ шумно выдѣлялись игрой г-жа Вольская—Мимоза и Дэзи-Дорнъ — Молли.

Въ „Прекрасной Еленѣ“ побилъ рекордъ Зброжекъ-Пашковская. Ея успѣхъ раздѣляли Рѣзниковъ-Менелай и Дмитріевъ-Калхасъ. Партія Париса проведена была Чаровымъ грубовато; прелестна была Дэзи-Дорнъ въ роли Ореста.

Это—одинъ изъ ансамбльных спектаклей. Не льстя и не преувеличивая, можно сказать, что, въ смыслѣ ансамбля, обстановки, бутафоріи, труппа эта для нашего города представляетъ небывалое явленіе.

И публика цѣнитъ это. Спектакли идутъ при полныхъ сборахъ.

Нина.

Нарва. (Скандалъ въ знаменитой опереткѣ).

Съ чисто хлестаковской развязностью пріѣхала къ намъ знаменитая оперетка изъ петербургскихъ театровъ „Буффъ“ и „Пасажъ“, приглашенная В. И. Шварцемъ на нѣсколько спектаклей въ новый театральныя залъ эстонскаго общественаго собранія. Въ афишахъ торжественно былъ объявленъ ансамбль артистовъ подо режиссерствомъ „талантливаго“ С. П. Медвѣдева и при участіи въ спектакляхъ гастрольныхъ знаменитостей А. А. Добротини и Е. П. Агарева и любимицы петербургской публики Р. М. Раисовой.

Первый спектакль 12 марта съ „Веселой Вдовой“ собралъ полный залъ публики.

Что это была за спектакль?! Никакой Раисовой не было, а въ роли вдовы выступала г-жа Леонова. Убогая декорация, старые потрепанные костюмы, исполненіе оперетки болѣе, чѣмъ скромное, подъ акомпаниментъ піанино настолько возмутили публику, что она, не дождавшись окончанія спектакля, шумно и демонстративно стала покидать залъ. Нечего и говорить, что на слѣдующій спектакль 13 марта—„Корневильскіе колокола“ публики было очень мало... Сколько, однако, нужно имѣть нахальной смѣлости, наглости, чтобы такъ беззащитно обманывать нарвскую публику и преподносить ей оперетки, съ огромными купюрами, съ охрипшими голосами пѣвцовъ и пѣвицекъ.

Точно пріѣхали къ эскимосамъ, а не въ городъ, близко находящійся къ Петербургу!...

Можетъ быть, на Сандвичевыхъ островахъ или гдѣ-нибудь на островахъ Новой Земли эти опереточныя тараканы и букашки дѣйствительно имѣли бы шумно-блестящій успѣхъ, и г-жа Леонова сошла бы, дѣйствительно, за любимицу столицы Р. М. Раисову, но въ Нарвѣ—это ужъ не слишкомъ ли наивно съ вашей стороны, гг. Медвѣдевъ и Агаревъ?!

Чужанъ.

Кишиневъ. (Нѣчто объ юдофобствующей печати). Въ одномъ изъ мартовскихъ №№ кишиневской газеты „Другъ“ появилось слѣдующее любопытное сообщеніе, касающееся якобы исторіи русскаго театра которое я позволю привести полностью, оставляя фактическую сторону сообщенія всецѣло на отвѣтственности этой юдофобствующей газетки.

„Въ Путиловѣ, въ стѣнахъ Молчанскаго монастыря, найденъ недавно весьма любопытный манускриптъ. Оказывается, что общепринятый взглядъ, относящій начало первыхъ театральныхъ представленій ко времени царя Алексѣя Михайловича и приписывающій инициативу ихъ боярину Матвѣеву, не вѣренъ. Театральныя представленія, или, какъ именуетъ ихъ авторъ рукописи, комедійныя дѣйства, происходили еще во времена Бориса Годунова въ Курскѣ, при воеводствѣ князя Ивана Дьякова. Воевода былъ весьма просвѣщенный по тому времени чело-вѣкъ и охотно принималъ въ Курскѣ заграничныхъ комедіантовъ. Для представленія была отведена особая изба, въ которой воевода имѣлъ отдѣльное, огороженное мѣсто.

При воеводѣ, по словамъ автора рукописи, находился нѣкій «жидовинъ», который пользуясь добротой и снисходительностью князя, выпросилъ у него разрѣшеніе сидѣть въ отсутствіи воеводы на его огороженномъ, въ «потѣшной» избѣ, мѣстѣ. «Жидовинъ» сейчасъ же сталъ продавать своимъ сородичамъ мѣста въ огороженной части потѣшной избы за довольно высокую плату.

Продолжалось это довольно долго, пока воевода, уставъ отъ дневной работы, не вздумалъ поѣхать по Курску освѣжиться и завернулъ на огонекъ въ потѣшную избу.

Лѣтописецъ описываетъ удивленіе и негодованіе воеводы, увидѣвшаго на своемъ мѣстѣ «великое множество большихъ и малыхъ жидовиновъ». Узнавъ въ чемъ дѣло, воевода велѣлъ «бити того жидовина ба-тоги нещадно» и выгнать изъ города».

Комментаріи къ этому сообщенію излишни.

Русанъ.

Минскъ. Гастроль Артемизіи Колонны прошла у насъ далеко не съ такимъ большимъ успѣхомъ, какого можно было ожидать, судя по увлеченію столичныхъ жителей танцами Айседоры Дунканъ. Публики собралось немного, но зато она состояла большей частью изъ интеллигентовъ; тѣмъ не менѣе незамѣтно было, чтобы эти интеллигенты пришли въ большой восторгъ отъ „возрожденныхъ“ танцевъ г-жи Артемизіи Колонны; рѣшительно непонятно, чѣмъ эти танцы стоятъ выше танцевъ нашихъ обыкновенныхъ балеринъ, правда, Артемизія Колонна, какъ и Айседора Дунканъ, выходитъ на сцену съ обнаженными до послѣдней возможности ногами, прикрытыми лишь

тоненькой просвѣчивающей туникой, но этого далеко недостаточно, чтобы заставить публику восхищаться „возрожденными“ танцами. Любопытно, что Мейерхольд не дѣлаетъ у насъ полныхъ сборовъ; приходится заключить одно изъ двухъ; или новое искусство настолько возвышенно, что совершенно недоступно среднему провинціальному интеллигенту, или оно въ самомъ дѣлѣ представляетъ собой какую-то белиберду. Въ литерат.-артистич. о-вѣ было необыкновенно холодно, и танцы Артемизии Колонны ничуть не согрѣли ни публики, ни, кажется, ее самое.

Томскъ. Великій постъ подарилъ насъ оперой артистовъ московскаго Солодовниковаго театра, которые послѣ несчастія въ Москвѣ—пожара въ театрѣ—организовались въ товарищество и совершаютъ свое артистическое турнѣ по Россіи и Сибири, вездѣ пользуясь гостепріимнымъ пріемомъ и сочувствіемъ публики.

Томичи, по крайней мѣрѣ, живой примѣръ такого гостепріимства и радушія.

Несмотря на нѣкоторые присущіе провинціальной сценѣ дефекты: малочисленность хора, отсутствіе прекрасныхъ декораций и приспособленій для сцены, труппа Солодовниковаго театра безусловно имѣетъ крупныя музыкальныя силы.

Мнѣ пришлось побывать только на оперѣ Чайковскаго „Евгеній Онѣгинъ“ и, говоря откровенно, Томскъ врядъ-ли когда видѣлъ и слышалъ такихъ прекрасныхъ исполнителей партій, какъ въ данномъ исполненіи „солодовниковцевъ“. Партію Татьяны провела съ большимъ драматическимъ подъемомъ г-жа Булгакова, обладающая свѣжимъ ненадорваннымъ голосомъ; г. Образцовъ съ большимъ темпераментомъ исполнилъ трудную партію Онѣгина, щегольнувъ не однимъ только голосомъ, но и игрой. Небольшой, но симпатичный теноръ Горянского помогъ ему справиться съ красивой партіей Ленскаго; арія „Куда, куда вы удалились“ спѣта была имъ съ большимъ чувствомъ и теплотой. Г-жа Даленго была прекрасной няней. Свободинъ—французъ Трике и г-жа Корхъ—Ольга поддерживали ансамбль въ предѣлахъ ихъ голосовыхъ средствъ.

Если же прибавить по всему сказанному, что оперные спектакли идутъ въ залѣ общественнаго собранія при акустическихъ недостаткахъ и маломъ размѣрѣ самой сцены, то тѣмъ самымъ уже будетъ ясно, что успѣхъ „солодовниковцевъ“ былъ бы полнѣе при устраненіи указанныхъ недостатковъ сцены.

Кстати: театръ Королева, сожженный черносотенцами въ дни свободы весенняго 1905 года, все еще ждетъ отъ „отцовъ города“ благосклоннаго къ себѣ вниманія. Были слухи, что городъ хотѣлъ купить обвалившіяся развалины театра, у владѣлицы его г-жи Королевой,—но до сихъ поръ это только слухи.

Обидно, что Томскъ, имѣющій университетъ, технологическій институтъ, не имѣетъ до сихъ поръ своего театра. Не мудрено, что Томскъ рѣдко видитъ у себя талантливыхъ гостей—артистовъ, пробавляясь дешевыми труппами захудалой драмы или еще того хуже жиденькой опереттой.

Когда же, когда будетъ у насъ городской театръ?

Нѣкто.

Бану. Театръ Тагіева. Антреприза А. Н. Кручинина. 24 февраля сезонъ закончился пьесой Сумбатова: „Джентльменъ“. Труппа за все время (съ 30 сентября 1907 г. по

24 февраля 1908 г.) поставила слѣдующія пьесы по одному разу: „Друзья и пріятель“, „Гроза“, „Сестра Тереза“, „Слушай Израиль“, „Закатъ“, „Измаилъ“, „Недруги“, „Бѣлый Ангель“, „Кинъ“, „Шерлокъ Холмсъ“, „Гамлетъ“, „Пробужденіе весны“ (бенефисъ Александровой-Чаровой), „Дитя улицы“ (бенефисъ Атлантовой), „Братья Карамазовы“, „Разбойники“, „Судебная ошибка“, „Основы брака“, „Царь Дмитрій Самозванецъ“, „На хлѣбахъ изъ милости“, „Чудо странника Антонія“ и „Жизнь челоѣка на изнанку“ (бенефисъ главн. режиссера А. Н. Сѣницкаго), „Тайга“ (бенефисъ капелдыне-ровъ), „Дѣвичій переполохъ“ и „Саломея“ (бенефисъ Марьиной), „Ограбленная почта“, „Рабыни веселья“, „Рабы капитала“, „Трильби“, „Старый закалъ“ (2-й бенефисъ Ланскаго), „Ивановъ“, „Уриель Акоста“, „Бѣсы“, „Къ новому Богу“ и „Всемирный чемпионъ“ (бенефисъ Гарина), „Хижина дяди Тома“, „Огни Ивановой ночи“, „Двѣ сиротки“, „На покой“, „Желанный и нежданный“, „Дама изъ кафешантана“ и „Обозръніе города Баку“ (бенефисъ Улиха); по два раза: „Казнь“, „Хаосъ“, „Измѣна“, „Склепъ“, „Горнозаводчикъ“, „Плоды просвѣщенія“, „Еврей“, „Бѣлый Ангель“, „Нравственныя устои“, „Въ сумеркахъ разсвѣта“, „За свободу“, („Газовать“) пьеса соч. С. В. Ланскаго (1-й бенефисъ С. В. Ланскаго), „Въ городѣ“, „Ганнеле“ (бенефисъ Омарской), „Пасынки жизни“, „Судебная ошибка“, „Чортушка“ (бенефисъ Либакова-Ильинскаго), „Мученица“ (бенефисъ Азаревской), „Ревизоръ“ и „Резизоръ“ (спект. въ пользу театральнаго общества), „Марья Ивановна“, „Витязъ“ (бенефисъ Козловской и 2-й разъ бенефисъ симфоническаго оркестра при труппѣ), „Хорошенькая“ (бенефисъ антрепренера А. Н. Кручинина), „Дѣльцы“, „Шахта Георгій“ (бенефисъ декор.-художника Мавроди); по три раза: „Рафльсъ“, „Воръ-любитель“, „Петербургскіе трущобы“, „Безпечальные“, („Волна“), „Въ лѣсахъ Индіи“, „Безработные“; 4 раза: „Эросъ и Психея“ и „Жизнь челоѣка“ выдержала шесть постановокъ.

На ряду съ этими пьесами, по средамъ ставились фарсы подѣ режиссерствомъ Улиха. Поставлены слѣдующіе фарсы: „Камеристка“, „Безъ протекцій“ (3 р.), „Модная львица“, „Женскій парламентъ“ (4 р.), „Первая ночь“, „Брачныя мостки“, „Сонная Тетеря“, „Женская аптека“ (2 р.), „Дорога въ адъ“, „У женскихъ юбокъ“, „Амуръ и Ко“ (2 р.), „Денежныя тузы“, „Завѣтная мечта“, („Индюкъ“), „Въ интересномъ положеніи“, „Счастье только у мужчинъ“, „Гусарская лихорадка“ (2 р.), „Сердце... и все прочее“ и даже „У васъ есть что предъявить“ и „Радн или въ чужой постели“... О tempora! о mores!..

Составъ труппы: Азаревская, Александрова-Чарнова, Омарская, Бориславская, Марина, Гарина, Елагина, Ляховская, Фабіанская, Леонидова, Атлантова и Фодотьева; г.г. Ланской, Либаковъ-Ильинскій, Марковъ, Гаринъ, Улихъ, Ладогинъ, Байворскій, Томилинь, Бѣльскій, Мірскій, Муравьевъ, Галлеверъ, Гринцовъ, Броневскій и Волинъ. Главн. режиссеръ Сѣницкій, режиссировалъ фарсами Улихъ; помощникъ режиссера Жабинъ. Суфлеръ Бекинъ. Декораторъ-художникъ Мавроди. Главный администраторъ Марковъ. Успѣхомъ пользовались г-жи Азаревская, Омарская, Марина, Александрова-Чарнова и г-да Ланской, Либаковъ-Ильинскій, Мірскій, Бѣльскій, Байворскій, Ладогинъ, Гаринъ и Улихъ. На будущій годъ театръ снятъ опять Кручининимъ.

2 го марта въ театрѣ-циркѣ братьевъ Никитиныхъ „Травіатой“ начались гастрольные спектакли оперной труппы Харюкова.

2-й рядъ, кресло N X.

Коломна. Лѣтній сезонъ выяснился въ слѣдующемъ составѣ, г-жи: Вехтеръ, Михайловская, Шабловская, Андреевская, Бабикова, Стенко и др. и г.г. Рудаковъ, Александровъ, Саблуковъ, Черновъ, Карминъ, Алянскій, Виноградовъ, Реммеръ, Недремскій и др. Режиссируетъ Н. В. Пановъ.

Тифлисъ. Петербургскій „Невскій фарсъ“ перекочевалъ на великій постъ въ нашъ городъ и даетъ свои боевыя фарсы „Амуръ и Ко“, „Пріютъ Магдалины“, „Пѣвичку Бобинетъ“ въ театрѣ Артистическаго Общества. Всѣ эти соблазнительно-раздѣвательныя фарсы идутъ съ аншлагами, несмотря на повышенныя цѣны. Я не касаюсь ни игры ни состава труппы „Невскаго фарса“, такъ какъ и то, и другое извѣстно Петербургу, гдѣ впервые началось коголеніе и раздѣваніе фарсовыхъ дивъ, лѣніе скабрёзныхъ куплетовъ или, такъ называемыхъ, „трюковъ“ подѣ усиленный плясъ примадонны Мосоловой.

Нужно отдать справедливость труппѣ, что она старается развеселить великопостно-настроенную публику и въ своемъ усердіи и стараніи переходитъ иногда границы фарсоваго шаржа...

Да проститъ имъ небо этотъ грѣхъ!..

А пока съ грустью приходится констатировать факты духовнаго обнищанія и нашей дѣвственно-юной провинціи, которая съ трепетомъ и замираніемъ сердца слѣдитъ за перипетіями фарсоваго цинизма на сценѣ, а, можетъ быть, и въ жизни.

Конечно, наибольшимъ успѣхомъ пользуются премьеръ Вадимовъ и примадонна Мосолова.

Ансамбль поддерживаютъ и Разсудовъ съ Николаевымъ, и Волгина съ Бейнаръ.

Подаетъ большія способности, и Улихъ, котораго мѣстный зритель въ „Кавказѣ“ беретъ подѣ свое покровительство, рекомендуя режиссеру „не только туго держать его въ поводу, но и не выпускать на сцену иначе, какъ съ трензелемъ“.

Остроумные въ Тифлисъ господа рецензенты!..

Аборигенъ.

Харьковъ. (Гастроли Варламова). Первымъ спектаклемъ въ городскомъ театрѣ шли 11 марта „Хрушовскіе помѣщики“ Федотова, старая и малоинтересная пьеса, въ которой блеснулъ своимъ дарованіемъ заслуженный артистъ Варламовъ, создавшій рельефно-отчеканенный типъ Недососова и имѣвшій крупный успѣхъ въ публикѣ, который перешелъ въ шумныя оваціи на второмъ спектаклѣ послѣ исполненія имъ роли отставнаго генерала Звонскаго въ „Превосходительномъ тестѣ“. Каждый выходъ и появленіе на сценѣ Варламова встрѣчались взрывами рукоплесканій.

Жаль только, что репертуаръ пьесъ заѣженный, подлежащій сдачѣ въ архивъ, но, строго говоря, и почтенный и уважаемый г. Варламовъ—артистъ старой школы, привыкшій и сроднившійся съ милыми его сердцу Недососовыми, Звонскими и Грозновыми, — а въ современныхъ пьесахъ такъ называемаго настроенія для Варламова многого найдется благодарнаго матеріала, изъ котораго онъ могъ бы вылѣпить что-нибудь яркое и рельефное, несмотря на свой природный комизмъ.

Благодаря гастроям Варламова, театр не пустует и дѣлает почти полные сборы. 14 марта назначенъ бенефисъ Варламова.

Объявлены пьесы: „Дуэль“ и „Странное стеченіе обстоятельствъ“.

Я...

Рига. Великопостный сезонъ богатъ развлеченіями. Въ русскомъ театрѣ — драма Незлобина, пополненная нѣсколькими хрощими артистами: гг. Нероновымъ, Чаргони и г-жей Лилиной. Въ большомъ театрѣ при переполненныхъ сборахъ прошли четыре гастролы петербургской балетной труппы съ Павловой 2-ой во главѣ. Концертъ Вяльцевой хотя и собралъ полный залъ Ремесленнаго Общества, но пѣвица особеннаго успѣха не имѣла, такъ какъ включила въ репертуаръ романсы не цыганскаго жанра, которые рижане слышали въ лучшемъ исполненіи. Въ этомъ же концертѣ участвовалъ г. Трояновскій, которому публика устроила шумную овацію.

На провинцію производитъ магическое дѣйствіе слово — „петербургскій“. Этимъ воспользовался г. С. А. Трефиловъ и окрестилъ сбродъ голодныхъ, съ опухшими лицами и охрипшими голосами артистовъ — „петербургскимъ ансамблемъ“. Поставивъ въ залѣ „Улей“ нѣсколько фарсовъ, соль которыхъ заключается въ хорошей обстановкѣ и красивомъ бѣльѣ, г. Трефиловъ не выполнилъ даже этого скромнаго требованія, такъ какъ маленькая сцена приспособлена только для любительскихъ спектаклей, а бѣлье у исполнителей было довольно сомнительной чистоты и свѣжести. Нетребовательная публика вяло апплодировала; многіе покинули залъ далеко до конца спектакля.

С. Р.

Ковно. 24 февраля, сего года, въ манежѣ 2-го крѣпостного пѣхотнаго полка по инициативѣ командира сего полка полковника Гриффъ былъ устроенъ спектакль, сборъ съ котораго поступаетъ на усиленіе средствъ семьямъ погибшихъ воиновъ на Дальнемъ Востока. Была поставлена пьеса въ 2-хъ дѣйствіяхъ и 3-хъ карт. Полевого „Костромскіе лѣса“ и въ заключеніе живая картина. Пьеса была разыграна нижними чинами 2-го крѣп. пѣх. полка подъ руководствомъ капитана Куракина и штабсъ-кап. Кушинскаго. Благодаря умѣлому и серьезному отношенію къ дѣлу названныхъ офицеровъ, ниж. чины сыграли отлично и спектакль сошелъ блестяще. Въ антрактахъ и во время живыхъ картинъ игралъ полковой оркестръ. Спектакль привлекъ массу публики; такъ-же присутствовалъ ковенскій губернаторъ и др. административныя лица. Великая благодарность командиру полка полковнику Гриффъ, устроившему этотъ спектакль собственными силами съ такою симпатичною цѣлью. Будемъ надѣяться, что спектакль не послѣдній, и что ниж. чины покажутъ намъ еще свою игру.

В. Шумскій.

Проскуровъ. Товарищество опереточныхъ артистовъ подъ управленіемъ Ѳ. В. Левицкаго закончило свои спектакли бенефисомъ дирижера Васильева. Всего за время съ 3 по 24 февраля было дано 19 спектаклей,

которые, какъ въ художественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, прошли съ выдающимся успѣхомъ.

Теперь въ нашемъ театральномъ мірѣ наступило временное затишье. Зная вкусы мѣстной театральной публики къ искусству, позволяю себѣ выразить желаніе, чтобы это затишье было прервано пріѣздомъ русской опереточной труппы съ репертуаромъ исключительно русскихъ оперетокъ, такъ-какъ почти всѣ малорусскія оперетки уже по нѣсколько разъ прошли въ нашемъ городѣ и публикѣ уже пріѣлись. Такая труппа безъ сомнѣнія дѣлала бы у насъ недурныя дѣла.

Е. К—меръ.

Тюмень. (Къ окончанію зимняго сезона). Послѣднимъ спектаклемъ нашей зимней труппы былъ бенефисъ антрепренерши С. З. Ковалевой, которая поставила для своихъ имянинъ „Жену Угрюмова“ Фингера. Пьеса не важная, но артисты сдѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы прощальный спектакль вышелъ интереснымъ въ смыслѣ исполненія. Справедливость требуетъ сказать, что драматическія силы въ труппѣ были посредственныя, такъ сказать, рядовыя: не было яркостей, какъ не было и абсолютныхъ бездарностей. Самая скромная семья тружениковъ-артистовъ и только, — но тружениковъ добросовѣстныхъ, любящихъ свое дѣло...

Для небольшого сибирскаго городка, къ каковымъ нужно причислить и нашъ уѣздный городокъ, и такая труппа, какъ въ минувшемъ сезонѣ, есть уже своего рода роскошь.

Въ труппѣ большую полезность проявили артисты Мацкій, Муравьевъ, Проневичъ и артистки Ясновская, Степанова, Новицкая и Соловьева.

Антреприза С. З. Ковалевой не можетъ пожаловаться на индифферентизмъ публики; сборы все время были хорошіе.

Артисты привѣтствовали свою руководительницу со сцены и поднесли ей подарокъ, что служить доказательствомъ пріязни ихъ къ С. З. Ковалевой.

Эмпе.

Двинскъ. Серьезный и вдумчивый истолкователь великаго норвежца Генриха Ибсена артистъ П. Н. Орленевъ не забылъ завернуть и въ нашъ уголокъ, чѣмъ доставилъ намъ большое удовольствіе своимъ Ибсеновскимъ репертуаромъ.

Коронная роль талантливаго артиста П. Н. Орленева — Освальдъ въ „Привидѣніяхъ“, поставленныхъ на нашей сценѣ 10 сего марта, — удивительна въ его передачѣ. Какое тонкое психологическое пониманіе!.. Нужно перестрадать самому все то, что переживалъ Освальдъ, чтобы такъ художественно-ярко, психологически-вѣрно отѣнить душевное настроеніе страдающаго Освальда.

Несчастный Освальдъ, — жертва наслѣдственности, — какая это ужасная драма, которую трудно передать такъ, какъ ее передалъ П. Н. Орленевъ.

И не хочется говорить объ остальныхъ персонажахъ пьесы, потому что безъ Освальда не было бы „Привидѣній“, безъ Орленева — не было бы ни Ибсена, ни его Освальда на нашей сценѣ.

Какое наслажденіе слушать Ибсена, изучать его, понять при такомъ талантливомъ истолкователѣ его, какъ артистъ Орленевъ!..

Самъ.

Екатеринодаръ. Великимъ постомъ у насъ подвизается малороссійская труппа г. Прохоровича и пѣвческій хоръ Ю. Д. Славянскаго.

Первая слаба, особенно въ вокальныхъ своихъ силахъ, ни одного приличнаго голоса и потому потуги ея ставить музыкальныя вещицы вродѣ „Запорожець за Дунаемъ“ смѣшны. Получается карикатура: вмѣсто пѣнія — речитативъ, вмѣсто голоса — слабый неслышный пискъ. Если добавить къ этому, что въ большинствѣ случаевъ малороссійскія пьесы сопровождаются пѣніемъ мелодичныхъ пѣсенокъ, то отсутствіе въ труппѣ пѣвцовъ и пѣвицъ это — серьезный минусъ и рассчитывать на какой-либо успѣхъ труппа при такихъ обстоятельствахъ не можетъ.

Я не хочу быть пророкомъ, но г. Прохоровичъ, организуя труппу, долженъ былъ бы учесть это обстоятельство. Можетъ быть, г-жа Волошина и хорошая актриса, но зачѣмъ же заставлять ее пищать, если она безголосая? Самъ г. Прохоровичъ, пусть комикъ, но можно ли пѣть речитативомъ, когда требуется пѣть „во всѣ легкія“? А на Дубовскомъ и Шавченко далеко не уѣдешь, хотя и у нихъ голоса не изъ „голосистыхъ“...

Зато въ капеллѣ Славянскаго подборъ голосовъ великолѣпный, хотя составъ капеллы небольшой. Великолѣпны въ хорѣ тенора, недурные есть и басы.

Капелла нравится публикѣ.

Можетъ быть, не спасетъ ли она и труппу г. Прохоровича?

Во всякомъ случаѣ, нашъ искренній со- вѣтъ г. Прохоровичу не дѣлать попытокъ къ постановкѣ на сценѣ музыкальныхъ опереттъ, чтобы не смѣшить публику и не ставить въ смѣшныя положенія актеровъ.

„Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ...“

Это всегда нужно помнить.

Въ особенности жрецамъ искусства..

Кубанецъ.

ИЗЪ МИРА ПОГИБАЮЩИХЪ.

Одна изъ тѣхъ грустныхъ исторій, которая ежедневно проходятъ предъ нашими глазами...

Позвольте мнѣ рассказать эту исторію. Ее звали Паша.

Отца у ней нѣтъ, онъ уже давно умеръ, но есть мачиха, которая живетъ въ деревнѣ...

Я познакомился съ ней на улицѣ. Она, Паша, съ такой мольбой и такими печальными глазами вглядывалась въ планирующихъ съ безпечнымъ видомъ кавалеровъ, что я пожалѣлъ ее, пожалѣлъ потому, что ни одинъ изъ этихъ модныхъ виверовъ не отвѣтилъ сочувственнымъ взглядомъ на ея безмолвный, но многозначительный взглядъ.

Когда я подошелъ къ ней, она подняла на меня свои грустные глаза и улыбнулась страдальчески, по-дѣтски, вздрагивая всѣмъ своимъ хрупкимъ тѣломъ.

Мы пошли...

Куда?..

Да, припоминаю!

Мы пошли въ ресторанъ.

Она, Паша, была голодна!..

Она въ своемъ легонькомъ сѣренькомъ лифѣ дрожала отъ холода влажной октябрьской ночи!..

Ну, куда, куда больше могли мы итти?!.. Бѣдная!

— Сколько вамъ лѣтъ? спросилъ я ее, когда мы подошли къ освѣщенному подъѣзду недорогого ресторана.

Она встрепенулась отъ этого вопроса, какъ-то странно и вызывающе кинула на меня свой повеселѣвшій взглядъ, немного помолчала, и, только выдержавъ эту томительную паузу, отвѣтила просто, не жеманничая и не рисуясь.

— О, я уже старуха! Мнѣ перешло за 20.

Но она лгала. На видъ ей можно было бы дать не болѣе 16 лѣтъ: такъ дѣвственны были контуры ея тоненькой изящной фигурки.

Это была милая дѣвушка, дитя природы, простодушная, скромная, стыдливая.

Такихъ изъ «такихъ» очень мало.

— Скажите, Паша, какъ вы попали на этотъ скользкій путь? задалъ я ей вопросъ, наблюдая, какъ она жадно уничтожала поданную котлету.

Но я тотчасъ же спохватился и хотѣлъ замять этотъ вопросъ, видя, что Папа взглянула на меня удивленно-злыми глазами, но было уже поздно,

Потомъ она какъ-то неестественно всхлинула, и по щекамъ ея закапали одна за другой крупныя градинки слезъ.

Конвульсивно вздрагивая, она вдругъ зашептала, какъ провинившаяся грѣшница: — Зачѣмъ? Не надо!.. Тяжело мнѣ. Не спрашивайте...

Сочувствіе?! Ну къ чему, къ чему оно ей? Ей надо денегъ, ей надо хлѣба, чтобы она сберегла свои силы въ тяжелой долѣ, а мы, мы лѣземъ къ ней съ сочувствіемъ, мы ковыряемся въ ея незажитыхъ ранахъ, мы просимъ допустить насъ въ ея «святое святыхъ»: «какъ дошла ты до жизни такой».

Зачѣмъ?

Безсердечные! Безсердечные!

— Дайте мнѣ немного денегъ, или останьтесь со мной! какъ-то жалко и въ то же время, какъ мнѣ показалось, безстыдно прозвучалъ у меня подъ ухомъ голосокъ Паши.

Я вынулъ пять рублей.

— Мнѣ? Всѣ? съ недоумѣніемъ спрашивала меня Паша, рассматривая маленькую золотую монету. О, какъ я счастлива! Какой вы добрый, хорошій! Я перваго такого встрѣчаю.

Итакъ, даромъ? Да?.. Или?.. Или?..

Проклятые!.. Деньги!.. Деньги!..

Все для нихъ... И все изъ-за нихъ...

Пашу я часто встрѣчаю на улицѣ, но я уже не подхожу къ ней. Не подхожу, потому что у меня нѣтъ свободныхъ денегъ, чтобы накормить на нихъ Пашу и дать ей снова ту маленькую блестящую монетку, которая дѣлаетъ печальныхъ людей веселыми, голодныхъ сытыми, развратныхъ цѣ-

ломудренными. И долго слѣжу я за ея изящной фигуркой, слѣжу до тѣхъ поръ, пока не сжалится надъ ней какой-нибудь «гость» и не увезетъ ее съ этой грязной панели, омоченной первыми весенними дѣвичьими слезами, и тогда я радуюсь и говорю:

— Паша теперь закусываетъ и ей еще дадутъ денегъ... Часть изъ нихъ она пошлетъ мачихѣ въ гостинцы, въ ту темную деревеньку, поставляющую живой товаръ для столицы сначала прислугой, а потомъ...

О, не возмущайтесь, что я идеализирую уличную профессію Паши!..

Если вы святые, побейте ее камнями и забросайте сѣрымъ булыжникомъ, котораго много лежитъ на мостовыхъ, но меньше чѣмъ тѣхъ Пашей, исторію которой я рассказалъ.

А я грѣшникъ...

И я говорю только, что мы умѣемъ или платонически вздыхать, сострадая несчастію, или громоподобно обличать, возмущаясь безстыдствомъ самопродажности...

А мы, мы-то, развѣ не самопродажны?

Матвѣй Безымянный.

Циркъ Чинизелли.

Дебютъ „огненныхъ демоновъ“ The faes прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Это чрезвычайно интересный номеръ, заключающійся въ томъ, что артистъ ѣстъ огонь. Горящіе яркимъ пламенемъ предметы исчезаютъ вору, откуда выходятъ густые клубы дыма или же тушатся имъ голыми руками безо всякаго вреда.

Миниатюръ-акробаты „4 Аллегри“ (2 мальчика и 2 дѣвочки) показали новый номеръ—прыганье на деревянныхъ лопатахъ, что они продѣлывали съ большой ловкостью и граціей. Хороши дресированные на свободѣ четыре вороныхъ жеребца, которыхъ вывелъ г. Утенъ. Международныя состязанія въ борьбѣ привлекаютъ много публики. Изъ борцовъ слѣдуетъ отмѣтить ловкаго Туомисто (Гельсингфорсъ), сильнаго Рейбера (Австрія), легкаго, но крайне упornaго Шуля (Двинскъ), съ которымъ даже такіе опытные борцы, какъ Эмалъ де-ла Кальметтъ и Туомисто не могли справиться въ первые полчаса, Иванова-Овтанова (Болгарія), Миллера (Баварія), Аполлона (Франція) и оригинальнаго японца Оку, злоупотребляющаго, впрочемъ, подножкой.

Завсегдатай.

Михайловскій манежъ.

На международныхъ состязаніяхъ въ борьбѣ, которыя проходятъ крайне оживленно, наиболѣе прочными симпатіями пользуются бронзовый Мурзукъ, ловкій, сильный и всегда корректный борецъ, молодой, чрезвычайно подвижный Яковлевъ, добродушный гигантъ Юсифъ Модвикъ со своимъ излюбленнымъ заднимъ поясомъ, юркій и крайне забавный Вилли Гезе и, отчасти, храбрый, но не всегда корректный французъ Бонно.

Завсегдатай.

С М Ъ С Ъ.

— Изъ Владивостока пишутъ, что въ приказѣ по владивостокской крѣпости объявлено:

„Признавая несоотвѣтствующимъ офицерскому званію посѣщеніе существующихъ во Владивостокѣ кафе-шантановъ и увеселительныхъ заведеній, воспреещаю офицерскимъ и класснымъ чинамъ, не исключая и отставныхъ офицеровъ въ военной формѣ, какъ входящимъ въ составъ гарнизона крѣпости, такъ и временно здѣсь пребывающимъ, посѣщеніе кафе-шантановъ: „Альгамбра“, „Аполло“, „Новая Звѣзда“ и другихъ, какъ существующихъ, такъ и вновь открываемыхъ.“

Надзоръ за исполненіемъ настоящаго приказа возлагаю на комендантское отдѣленіе штаба крѣпости и городскую полицію.

Въ случаѣ неисполненія настоящаго приказа и обнаруженія тайнаго допуща владѣльцами кафе-шантановъ въ свои помѣщенія офицеровъ — виновныхъ въ неисполненіи — предавать суду, кафе-шантаны закрывать, а владѣльцевъ и арендаторовъ высылать изъ крѣпости.

И. д. коменданта крѣпости генераль-маіоръ
Ирманъ.

— Цирковой „король воздуха“ Фаріони, умершій недавно въ Генуѣ, завѣщалъ все свое состояніе въ 50 т. лиръ въ фондъ помощи цирковымъ артистамъ, получившимъ увѣчья и потерявшимъ трудоспособность на аренѣ какаго бы то ни было европейскаго цирка.

КАКЪ ЖИВУТЪ МОСКОВСКІЕ СТУДЕНТЫ.

Какъ оказывается, ради заработка московскіе студенты играютъ на роялѣ въ кинематографахъ, служатъ контролерами въ

увеселительныхъ заведеніяхъ на жѣлѣзныхъ дорогахъ, поютъ въ церковныхъ хорахъ, работаютъ по корректурѣ и репортажу въ газетахъ, служатъ въ земствахъ, въ городскихъ управленіяхъ, нанимаются статистами въ театрѣ; медики занимаются прививкой оспы, массажемъ, иные устраиваютъ даже артистическія турнѣ, концерты. Недавно группа студентовъ подала прошеніе градоначальнику о разрѣшеніи играть въ ресторанномъ оркестрѣ и, наконецъ, уже совсѣмъ недавно, одинъ студентъ-медикъ 4-го курса путемъ объявленія предлагалъ свои услуги домовладѣльцамъ для набивки погребовъ льдомъ.

Тоже можно сказать и о петербургскомъ студенчествѣ, которое, помимо всѣхъ перечисленныхъ профессій, занимается, напр., составленіемъ за плату для гимназистовъ и гимназистокъ сочиненій на заданныя имъ темы. На что только не толкаетъ судьба бѣднаго студента въ борьбѣ за существованіе. А общество глухо...

ТОЖЕ „ЛИТЕРАТОРЪ“.

Въ помѣщеніе редакціи „Руля“ явился г. Фольбаумъ и пожелалъ лично видѣть редактора. Идя за редакторомъ Ф. на ходу протянулъ руку В. П. Сергѣеву. В. П. не вставая, очень тихо вполголоса, такъ что ближайшіе къ нему едва это слышали, произнесъ: „Фольбаумъ, руки вамъ подать я не могу“. В. П. какъ потомъ выяснилось, не подаль руки г. Ф. по соображеніямъ принципиальнаго характера.

Г. Ф. молча подскочилъ вплотную къ В. П. Сергѣеву и нанесъ ему съ размаху ударъ кулакомъ по затылку. Сотрудники и редакторъ газеты потребовали, чтобы г. Ф. сейчасъ же удался изъ помѣщенія редакціи. При этомъ всѣ рѣшили, что г. Ф. за подобныя дѣянія подлежитъ обычной ответственности.

Ф. услышавъ, что хотятъ составить протоколъ, бросился бѣжать, но былъ задержанъ на улицѣ швейцаромъ и дворниками, и о поступкѣ его былъ составленъ протоколъ.

Редакторъ-Издатель В. Г. БЛОХИНЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

Вниманію Гг. артистовъ и антрепренеровъ.

Центральное Правленіе Всероссійскаго Союза сценическихъ дѣятелей доводитъ до свѣдѣнія, что имъ расширяется справочный отдѣлъ и организуется посредничество между спросомъ и предложеніемъ всѣхъ отраслей сценическаго труда. Желающіе благоволятъ присылать свои адреса съ условіями предложенія. На отвѣтъ прилагается марка.

Продается кинематографъ (аппаратъ),

соединенный съ волшебнымъ фонаремъ; освѣщается электричествомъ. Цѣна по соглаш. Фонтанка, уг. Невскаго, № 29, во дворѣ на право, перв. подъѣздъ, кв. № 29. Отъ 10 ч. до 6 ч. веч.

● ● ПУБЛИКАЦІИ ВСЯКАГО РОДА и ВИДА ● ●

(плакаты, афиши, вывѣски, рекламы и т. п. объявленія)

НА ЗАБОРЪ

вокругъ строящагося памятника

На Знаменской площади,

а также по всему Петербургу,

НА ЗАБОРАХЪ перестраиваемыхъ мостовъ: Полицейскаго, Поцѣлуева, Пацелеймоновскаго, Аларчина, Сампсоніевскаго, Баннаго (на Офицерской ул.), Мало-Калинкина, Старо-Калинкина, Ново-Московскаго и друг., а также на ГАЗЕТНЫХЪ КЮСКАХЪ и АФИШНЫХЪ КОЛОННАХЪ **принимются исключительно** въ главной конторѣ

В. А. ПТАШНИКОВА

Почтамская 10, телефонъ № 16-92. Тамъ же принимаются всякія объявленія на всѣ станціи Приморско-Сестрорецкой ж. д. въ вагонахъ ея и въ курортѣ.

Театральный Календарь-Ежегодникъ

Справочная и записная книжка сценическихъ дѣятелей и театраловъ съ приложеніемъ „ЕЖЕДНЕВНИКА“

(Годъ изд. ВТОРОЙ).

Составилъ артистъ **А. С. КОШЕВЪРОВЪ**.

(Годъ изд. ВТОРОЙ)

Цѣна въ коленкоревомъ переплетѣ съ резиной и карандашемъ 1 рубль

Москва Б. Молчановка, Криво-Никольскій пер. д. Объяжниковыхъ, кв. 4. А. Кошеврову.

Бѣлостокскій лѣтній театръ „РОСКОШЬ“

сдается въ теченіе лѣтняго сезона съ полной обстановкой сцены. Сборъ доходитъ до 1000 рублей.

Зданіе театра находится въ прекрасномъ паркѣ, гдѣ имѣется большая открытая сцена для разнохарактерныхъ труппъ, а также первоклассный ресторанъ. Сообщеніе на трамваѣ.

Съ предложеніями и за справками обращаться въ гор. Бѣлостокъ, Ченстоховская ул. г. М. Гурвичу.